

ИЛЬЯ РЯСНОЙ

БОИ

КОСМИЧЕСКОГО

ЗНАЧЕНИЯ

16+

Илья Рясной

Бои космического значения

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рясной И. В.

Бои космического значения / И. В. Рясной — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Визит армады НЛО на Землю приводит к неожиданным последствиям для всей Галактики. Наш человек в Галактической войне. Загадки дальнего космоса. И схватки космических флотов, когда наши идут в бой, на смерть и за победу за правое дело...

Содержание

Глава первая	5
ГОСТИ	5
Глава вторая	11
ПЕРВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ	11
Глава третья	17
ГИБЕЛЬ В «КАРТОННОЙ КОРОБКЕ»	17
Глава четвертая	24
СИСТЕМА ФАЛАНГИ	24
Глава пятая	32
СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ	32
Глава шестая	38
ГОЛОВОРЕЗЫ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Илья Рясной

Бои космического значения

Глава первая

ГОСТИ

– Санта Мария, – едва слышно прошептал капитан Рамирес, глядя на данные, ядовитой змеей выползающие на экран монитора. Он ощутил, что во рту все пересыхает.

В считанные мгновения центр противоракетной обороны США пришел в движение. Многочисленный персонал, слегка расслабившийся, утомленный заурядным, тягуче ползущим к естественному концу дежурством, тут же превратился в единый слаженный механизм.

Капитан Рамирес провел ладонью по покрывшемуся холодным потом лбу. В подземном бункере, скрытом под базальтовыми толщами горы Шоре в самом сердце штата Колорадо, каждый из более чем сотни военнослужащих ощущал, как его сердце будто кто-то стискивает холодными пальцами, и внутри молотом отдается заклинание: «Боевая тревога. Ракетная опасность»...

Цель засек выведенный год назад на орбиту двухтонный спутник «AFF-888». На его сверхчувствительные, охлаждаемые неоном и метаном мозаичные инфракрасные фотоприемники, сработанные из теллурита ртути и кадмия, поступила тревожная информация и тут же была перекинута в центр НОРАК.

– Пять неидентифицированных целей, – преодолев секундную слабость, четко, роняя слова, как гильзы на металлический пол, докладывал капитан Рамирес. Усилием воли он отстал от себя все постороннее и превращался в придаток к совершенной компьютерной системе, куда сходились данные с разбросанных по всей Земле систем раннего оповещения, с кружащихся над планетой спутников. – Координаты... Высота... Траектория...

Все отскакивало от зубов.

– Отлично, – кивнул полковник Диксон. Этот старший офицер был венцом эволюции представителей военной системы Соединенных Штатов – подтянутый, жилистый, выглядящий гораздо моложе своих пятидесяти шести, несмотря на изъеденное морщинами строгое лицо.

К чему относилось это «отлично» капитан Рамирес не понял. Взглянув на полковника, он заметил, что у того глаза горят как-то торжественно. «Чертов маньяк», – подумал Рамирес, ощущая, что опять на него накатывает волна отчаяния, и сжал до белизны в пальцах жесткий подлокотник своего кресла.

Кто бы мог подумать, что этот банальный день, ничем не отличающийся от других дней затянувшейся теплой осени, принесет то, к чему тщательно готовили военнослужащих центра противоракетной обороны, придирчиво выбирая из множества кандидатов тех, кто обладал особенно устойчивой психикой. Но какая психика может смириться с этими словами, будто пришедшими из чистилища, – «Ракетная опасность. Боевая тревога»... Никто не может быть готов к этому! Воображение помимо воли подсовывает картинки из много раз просмотренных на занятиях видеоклипов испытаний ядерного оружия – сметаемые, как игрушки, взрывной волной танки, вспыхивающие, будто бумажные, дома, исчезающие в пламени куклы... Куклы... Нет, кукол не будет. Будут настоящие люди. Люди, среди которых, может быть, окажутся и твои близкие.

«Стоп. Работай», – приказал себе капитан Рамирес.

– Скорость движения объектов – двадцать пять тысяч километров в час, – доложил он снова.

– Космическая скорость, – удовлетворенно произнес полковник Диксон.

Пять неидентифицированных объектов заходили с Аляски и шли в сторону Канады.

Полковник повернулся в зеленом кожаном крутящемся кресле с никелированными подлокотниками и нажал на широком, отделанном дорогим деревом пульте кнопку активизации засекреченной связи. Все действия, до слова и жеста, расписаны в инструкциях, отточены на многочисленных учениях. Доклад председателю Комитета начальников штабов. Потом – лично Президенту Соединенных Штатов, и, где бы тот ни был – в постели, на поле для гольфа, за праздничным столом, на этот звонок он не может не ответить.

«Саксафониста оторвут от очередной Моники», – с неуместным для такого момента злорадством подумал Рамирес, и ему стало немножко легче...

– Не похоже на баллистические ракеты, сэр, – доложил он, с растущим изумлением просматривая данные селекции целей.

– В задницу, капитан. Это не ракетная атака русских, – спокойно произнес полковник Диксон.

На большой проекционный экран, занимающий всю стену, наконец стали поступать видеоданные со спутников. Изображения дублировались на маленьких телеэкранах и компьютерных мониторах. Сначала было просто пять мелких точек. Они расплзались, увеличиваясь мощной оптикой разведывательных спутников, приобретали очертания.

– Святая Мадонна, – сдавленно произнес Рамирес, ощущая, что внутри все будто покрылось льдом. Ужас перед ядерной атакой уступил место древнему, мистическому, пробирающему до печенок страху перед неизвестностью.

На экранах четко можно было разглядеть похожие на камбалу, сплюснутые, остроносые, черные с синеватым металлическим отливом объекты. Размеры их пугали – каждый не меньше семисот метров. Без труда просматривались детали – какие-то выступы, кольца, диски, похожие на спутниковые антенны. Они тормозили очень быстро и уже двигались со скоростью не больше трех километров в секунду.

– Если это русские – мы здорово недооценивали их, сэр, – произнес Рамирес.

– Какие, в задницу, русские, капитан? Протрите глаза! – с какой-то радостью, в которой вдруг прорвалось безумное возбуждение, воскликнул полковник Диксон.

– Нашествие, – когда Рамирес произносил эти слова, язык едва слушался его. Он вдруг испытал дурацкое чувство – ему показалось, будто невысказанная мысль еще не имеет права на существование, но через произнесенное слово она получает все права в материальном мире. И теперь ничего уже не переиграть.

– Звездные войны, капитан, – усмехнулся полковник Диксон. Покинувшее на миг самообладание вернулось к нему. – Комиксы для детей.

Дикое напряжение не могло владеть персоналом центра противоракетной обороны слишком долго. По мере того, как ситуация затягивалась, люди начали понемногу расслабляться. Кто-то негромко, но с ноткой истерики рассмеялся. Кто-то шептал молитву. Кто-то тихо переговаривался.

Между тем неидентифицированные объекты снизили скорость до обычной для серхзвукового самолета и шли на высоте пятнадцати километров. Телефоны полицейских участков, военных баз и службы спасения обрывались от звонков взволнованных граждан. В центр НОРАК поступала вся информация.

– Вы ни разу не сталкивались с НЛО? – спросил полковник Диксон у своего помощника.

– Никак нет, сэр, – произнес Рамирес, не отрываясь от компьютера. – Я считал, что все это сказки. В крайнем случае возмущения атмосферы, дающие ложные метки на локаторах. Или преломления света в атмосфере, которые психопаты принимают за инопланетные корабли.

– Из-за этих сказок тридцать лет назад мы чуть не начали войну с русскими, – усмехнулся полковник Диксон. – Но ничего подобного, – он кивнул на экран, на который передавались видеоданные со спутников, – еще не было... Поздравляю, капитан. С этого дня мы не одиноки во Вселенной.

– Вашингтон решит сбить их, сэр? – спросил Рамирес. Сейчас загадочные объекты были в сфере досягаемости средств противовоздушной обороны. И, в принципе, можно было попытаться достать их.

– Не знаю, – сухо ответил полковник Диксон.

Вашингтон соединился с Москвой по каналу, специально предназначенному для незамедлительного разрешения срочных вопросов ядерного противостояния – нештатные ракетные пуски, общие угрозы. Москва проинформировала, что объекты не имеют к ней никакого отношения. Поступил приказ неидентифицированные цели не трогать. В сопровождение им поднялось несколько истребителей. Через пять минут после того, как они пристроились сбоку от идущих треугольником пришельцев, два F-16, объятые пламенем, упали на землю. Пришельцы недвусмысленно продемонстрировали свои намерения и возможности.

– Спаси нас Бог, – прошептал капитан Рамирес.

Через четыре часа после обнаружения объекты пересекли границу Мексики. И капитан Рамирес почувствовал, что с души свалился камень,

– Интересно, что надо этим непрошеным гостям? – произнес задумчиво полковник Диксон.

– Пока они держат курс прямо на Антарктиду, сэр, – еще раз сверившись с данными, уведомил капитан Рамирес.

Яркое голубое небо. Белая ледяная пустыня. Режущий глаза солнечный свет, играющий на кусочках льда. И холод. Холод, как в космосе... Иначе и быть не может. Это не Африка и не Европа. Это – Антарктида. Ледяной континент, большая часть которого – сплошное белое пятно, куда так и не ступила нога человека.

В общем-то, человеку здесь делать нечего. Если, конечно, этот человек не является профессиональным ученым.

Анатолий Павлович Смирнов и Шри Атал были именно профессиональными учеными. Сейчас они колдовали над двигателем вездехода, который в последнее время все чаще капризничал, а то и откровенно барахлил. Впрочем, что еще ждать от машины, которая работает в ледяном аду?

Антарктическая русская станция, уже было лишившаяся жизни, воспряла благодаря ряду международных программ. Среди них главный интерес представляло исследование километровых толщ антарктического льда. Лед нарастал многие тысячелетия, и ледяные страницы этой удивительной книги впитывали информацию об окружающей среде. Умеющий читать этот текст может узнать много интересного о микроорганизмах, погоде далекого прошлого да еще о множестве вещей.

Дул пронизывающий ветер. Столбик термометра опустился до минус шестидесяти пяти. Смирнов поежился, медленно вдохнул обжигающий воздух... Ничего. Бывало и хуже.

Он залез гаечным ключом внутрь двигателя, как хирург лезет пинцетом в брюшную полость, резко повернул. Дзинь – это со звоном лопнула и вылетела приморозившаяся железка.

– Черт... Сломалась, – Смирнов, доктор биологических наук, а по совместительству механик, сжал ключ. – Запчасти подходят к концу.

– Скоро самолет, – индийский профессор Шри Атал учился в Московском университете, заканчивал там аспирантуру и говорил по-русски свободно. – Скоро домой, – добавил он.

– Зачем тебе дом? – хмыкнул Смирнов.

– О, Палыч. Дом. Жена. Дети.

– Дети просят деньги, приходят счета за учебу. Жена пилит. За дом нужно платить... То ли дело здесь Белое безмолвие. Свобода.

Тон у Смирнова был шуточный, но, если разобраться, говорил он вполне искренне. Сам он лишними проблемами озабочен не был. С женой развелся пятнадцать лет назад. Детей не завел. Всю жизнь был бродягой. И вмерз душой в эту промороженную пустыню, проведя здесь в общей сложности семь лет из своих пятидесяти пяти...

– О, Палыч, – потряс рукой в меховой перчатке профессор Атал. – Ты говоришь неправильно... Люди не могут здесь жить... И людям не нужно здесь жить. Это как жить на Луне... Машины ломаются. Связь ломается.

– Магнитные бури, – поддакнул Смирнов...

Утром связь отключилась. Из динамиков доносилось только шуршание. Это бывает. Рядом – магнитный полюс Земли, до которого, кстати, до сих пор так никто и не добрался...

– Страна демонов, – вздохнул Шри Атал, который в последнее время начал сильно тосковать по теплым краям, по родному Дели. Смирнов знал по практике – когда человека начинают давить подобные чувства, ему пора домой...

– Уф, – перевел Смирнов дух и огляделся. – Красота. Ляпо...

Он не договорил. Рот непроизвольно приоткрылся Смирнов сглотнул загустевшую слюну и махнул рукой куда-то в сторону.

Шри Атал обернулся и тоже выпучил глаза.

– Скажи, что мне это не кажется, – потребовал Смирнов.

– Что это? – воскликнул профессор Атал, вытаращившись на пять крупных темных точек, увеличивающихся в размерах.

– Если бы знать...

Резкий порыв ветра ударил так, что люди качнулись. Ветер замер. Но через пару секунд ударил снова – еще сильнее.

Шри Атал зашипел, прикрывая рукавицей лицо, а потом кинулся к жилому блоку, крича и зовя наружу своих коллег.

Долго звать не пришлось. Наружу с двумя видеокамерами и фотоаппаратом высыпало все немногочисленное население станции.

Точки быстро увеличивались, приобретали хищные остроносые очертания. Они шли клином, как журавли. И в них было что-то зловещее, что-то такое, от чего хотелось вдавиться в толщу льда и прикрыть голову руками, взывая к Божьему милосердию, Мартин Вольф, метеоролог из Берлинского университета, полушепотом молился. Остальные галдели Смирнов угрюмо молчал, внутри поднималась волной противная мелкая дрожь, с которой невозможно совладать. Он ощущал, что это не к добру.

– Они! – восторженно завопил Серега Шулыгин, зеленый микробиолог из Московского НИИ медико-биологических проблем. – Я знал!

Неопознанные объекты уже приобрели четкие очертания. Остроносые летательные аппараты, похожие на сплюснутых прессом гигантских глубоководных рыб. Открывавшиеся взору их плоские брюха были черные, полированные, на них, как в зеркале, отражалась ледяная гряда, над которой они шли.

– Это корабли... Это их корабли, – как пьяный, орал Шулыгин.

Они шли прямо на станцию Это вскоре стало ясно. И тогда восторженные крики замолкли. Полярники молчали, ощущая, как нарастает напряжение.

А Смирнов, видя, что острие клина нацелено прямо на них, неосознанно понимал, что в нем поднимается паника, с которой ему не совладать, и хочется бежать, зарыться в снег...

– Жуть зеленая, – прошептал Шулыгин, не выпускающий из рук маленькую видеокамеру «Панасоник» и не забывающий жать на кнопку записи.

Ему никто не ответил Это действительно были корабли. Откуда они пришли – из глубин космоса, из других измерений? Человечество не могло создать их. Они были огромны. Они были наполнены зловещей силой.

При их приближении ветер, донимавший полярников уже три дня, стих. Установилась прозрачная, звонкая тишина.

– Господи, спаси, – прошептал Смирнов и перекрестился, видя, что туши чужих кораблей начинают снижаться.

– Раздавят, сволочи, – воскликнул Шулыгин, трясущимися руками лова в объектив видеокамеры объекты.

А громадные тени на ослепительно белом льду подползали все ближе к крошечным корпусам станции и фигуркам людей, застывших на поверхности.

Когда тень упала на полярников, стало заметно холоднее. Температура мигом упала градусов на пятнадцать. Защекотал нос запах озона и еще какой-то непонятной химии. И стало тихо. Настолько тихо, что слышно было, как бьются сердца и жужжит мотор видеокамеры...

Казалось, это никогда не кончится. Гладкое брюхо чужого корабля двигалось над ними, как длинный товарный состав, которому нет конца. Возникло ощущение, что до него легко дотянуться рукой. И еще в душах людей возникла уверенность, что сейчас неторопливый бег закончится, и корабль осядет, вдавливая в лед и станцию, и людей.

– Ну же, – прошептал Смирнов, сердце которого рвалось из груди. Он судорожно вдохнул ледяной воздух, обжигая легкие и не обращая на это внимания. Корабли прошли над станцией!

– Я хренею, – незатейливо прокомментировал Шулыгин.

Они зависли километрах в семи южнее. Пять кораблей замерли неподвижно в воздухе на высоте в три десятка метров, носами почти касаясь друг друга, образовав звезду.

И тут, как языки, откуда-то из глубин их металлических корпусов поползли закрученные в спираль золотые штыри. Они соприкоснулись с поверхностью льда и озарились ярким, как при газосварке, светом. Вниз ринулся зеленый луч.

Полярники, не в силах сдвинуться с места, замороженно смотрели на разворачивающееся фантастическое действо. Смирнов дрожащей рукой откинул теплый капюшон. Он только сейчас заметил, что температура растет. В Антарктиду приходило тропическое лето.

Зеленый луч вгрызлся в толщу льда. Вверх поднимался пар, окутывающий корабли, из-за которого едва были видны зловещие черные силуэты.

– Они решили растопить Антарктиду? – криво ухмыльнулся Шалыгин, продолжающий снимать все на видеокамеру, которую отнять сейчас у него не смог бы никто.

Температура все росла. Вскоре стало просто жарко. Зеленый «сварочный» луч погас неожиданно. И тут же из клубов пара поползли вверх темные туши летательных аппаратов – неторопливо, с уверенностью.

Они поднимались вертикально. И походили на подводные лодки, всплывающие с океанского дна.

– Они уходят! В космос! – разочарованно завопил Шалыгин.

– Скатертью дорога, – Смирнов накинул капюшон – температура быстро падала, и бил в лицо штормовой ветер, который все крепчал. – Как бы не сдуло станцию!

Когда корабли исчезли в синеве неба, полярникам понадобилось несколько минут, чтобы элементарно прийти в себя. После этого Смирнов завел второй, исправный, вездеход. И четверо человек, прихватив счетчик Гейгера и другую аппаратуру, отправились к месту, над которым висели корабли, Радиационный фон был выше обычного и рос по мере приближения к месту, но до опасной величины ему было далеко.

Вездеход качнулся и замер на краю идеально выпиленного круглого колодца диаметром метров тридцать, что уходил, казалось, в центр земли. Мощный луч фонаря растворился в темноте,

- Ничего себе, – покачал головой Шулыгин.
- Бесова мила, – хмурился все больше Смирнов.
- Это был первый контакт, Палыч. И они ушли, – при этих словах Шалыгин не мог скрыть разочарования.
- Хорошо, если так. Только бы не вернулись, – Смирнов нагнулся, снял рукавицу и провел рукой по острому краю колодца.
- Почему? – спросил профессор Шри Атал.
- Это зло. Неужели вы не чувствуете?

Глава вторая

ПЕРВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Я иду по длинному коридору. В конце его – зовущий свет. Мне хочется туда. Но с каждым шагом идти все труднее. И воздуха все меньше. И в душе нарастает тревога, готовая вот-вот трансформироваться в панику. Я знаю, что не дойду. И знаю, что должен дойти. Там, где светится щель в двери, меня ждет что-то. Или кто-то. То, что очень нужно мне То, чего мне так не хватает.

Вконец обессиленный, я падаю на колени. И по ушам бьет нечеловеческий отчаянный визг...

Меня будто за пятку дернули – и я очнулся на грешной земле. Точнее, на жестком ложе.

Я попытался еще раз нырнуть в глубины сна, потому что не завершил там то, что должен был завершить обязательно. Но этот визг влек меня обратно...

На сей раз я проснулся окончательно.

А проснувшись, понял, что владевшая мной тревога не рассасывается. Она без труда перекочевала из эфемерных реалий сна в плотный вещественный мир. Только теперь она наливалась, пульсировала отвратительным, елозящим пилою по нервам, звуком.

Кто я? Откуда? И где нахожусь, шарх все это возьми? Впрочем, сомнения и неопределенность владели мной лишь мгновение. Очень быстро хаос чувств и фрагментарных воспоминаний начал складываться в общую картину.

Итак, я лейтенант третьего класса, пилот-стажер Серг Кронбергшен. Боевых вылетов – ноль. Время налета на учебных машинах – четыреста часов. Выпускник школы истребителей на Галахваре... Стоп. Тут опасная боль. Тут живут боль и острое ощущение утраты.

Пульсирующий звук, скребущий изнутри, – это сигнал общего сбора. Он означает, что в течение пятнадцати минут все, свободные от несения службы, обязаны построиться в строевом зале.

Я жил (громко сказано для одной ночи) в одноместной каюте, достаточно просторной и комфортабельной, оснащенной всем необходимым – ванной, санузлом, компьютерным голографическим комплексом, полным набором мебельных трансформсров, пищеблоком. На линкорах, представляющих из себя гигантские металлические машины, стоящие дороже, чем инфраструктура иной планеты, нет проблем с пространством. А энергии кварковый реактор вырабатывает более чем достаточно – хватит для любых бытовых нужд. Это вам не катер огневой поддержки, где человек на человеке, а весь объем занят оружием, боезапасами и вещами первой необходимости.

– Комбинезон, – приказал я.

Стена распахнулась, я подошел к ней, обернулся, и меня ласково окутал форменный комбинезон офицера военного космического флота Комбез едва слышно зашуршал, приспособиваясь к моему организму, выбирая оптимальный тепловой режим. Я придал ему повседневный синий цвет.

Повисшие в воздухе бледные цифры демонстрировали как корабельное, так и базовое время, а также производили обратный отсчет до момента сбора. Сейчас глубокая ночь. Определенно не время для торжественных церемоний. Значит, кому-то очень нужно собрать нас вместе. И огоршить какой-нибудь новостью.

Сполоснув быстро лицо тонирующей активной водой, я встряхнул головой, пригладил короткие волосы. Поглядел в двухметровый обманый иллюминатор окна. В нем был виден

лишь огрызок ярко-голубой планеты, всю остальную ее часть закрывала уродливая, предельно функциональная, лишенная какого бы то ни было изящества масса «Атолла-1000» – главной боевой защитной станции орбитального оборонительного комплекса Дарны.

Дарна представляла собой образец заштатной скучной планетки, примечательной разве тем, что на ней расположен штаб третьей эскадры фиолетового сектора. Именно в эту эскадру я получил назначение.

Именно с ней отныне намертво связана моя судьба – судьба боевого пилота.

На Дарну я прибыл («ступил на твердь» – как говорят космолетчики) ранним утром трое суток назад пассажирским рейсом с Канказа – столицы сектора. И проклял все на свете, потратив целый день на мотание по кабинетам в штабе и пытаясь получить назначение на свой, грозящий стать мне родным корабль. Штабные крысы, занятые какими-то чрезвычайно важными делами, все значение которых способны оценить только они и им подобные, без всякой жалости и смысла футболили меня из кабинета в кабинет, попутно заставляли вытягиваться по стойке смирно, напоминая, что кометы на их руках весят куда больше, чем мои. И я начал достаточно быстро набираться злобы, которую питают бравые фронтовые офицеры к тыловым заморышам. Справедливости ради надо отметить, что это чувство посетило меня рановато, поскольку фронтовым офицером в полном смысле этого слова я еще не был, а был зеленым выпускником летной школы, многие же из тыловых крыс прошли не одну заварушку. Но я мечтал стать настоящим фронтовым офицером. В общем, как и положено молодому лейтенанту, мечтал о подвигах и славе. Так уж повелось, что каждый лейтенант надеется лично переломить ход войны. От юношеских надежд лечат только грубые реалии войны.

– Свет погасить. Ждать, – велел я сервискомпьютеру и вышел энергичным быстрым шагом из каюты. . .

В руке я держал компьютерную карточку размером с ладонь, на которую вывел маршрут до строевого зала. Эту карточку, которая выполняла роль справочника, средства компсвязи, документа, удостоверяющего личность, пропуска и еще много чего, мне вчера выдал скучающий офицер-интендант, прибавив еще несколько необходимых для корабельной жизни безделушек.

Компьютерный гид был мне необходим как воздух, поскольку на корабле я пока ориентировался из рук вон плохо. Точнее – не ориентировался никак. И неизвестно, когда начну ориентироваться, поскольку в лабиринтах коридоров, залов, в пересечениях, порой несусветных, палуб, в паутинах хаотично переплетающихся прозрачных лифтовых колонн, при меняющейся, кажется, совершенно бессистемно гравитации сам шарх заплутал бы.

В уходящем от моей каюты вверх спиральном коридоре было полно народу. Матерые волки, прошедшие не одну боевую кампанию, – их было мало, шествовали они вальяжно, передними расступались, невзирая на звания. Молодые приголовишки, такие, как я, прибывшие вчера челноком или ненамного раньше. Представители медицинских, инженерных, сервисных служб. Все эти люди стремились туда же, куда и я, – в строевой зал.

Коридор заканчивался лифтовым проемом. Я прибавил ходу и вскочил следом за двумя офицерами на мягко пружинящую платформу лифта. Меня на миг придавило тяготением, платформа взмыла вверх, пробираясь по прозрачной трубе.

Дух захватывало. Да, к этому зрелищу надо привыкнуть. Платформа несется, как капсула на любимых «плоскостниками» аттракционах. Кажется, что тебя несет вверх пулей, мимо пролетают палубы, коридоры, шахты, фантастические громадные механизмы, залы. Калейдоскоп картинок, меняющихся одна за другой. Красиво. И страшновато.

– Привыкнешь, Серг, – услышал я голос справа. – Поначалу со всеми так.

Я посмотрел на лейтенанта рядом с собой. Сухощавый, с вытянутым, лошадиным, некрасивым, но обаятельным лицом и ровными белыми хищными зубами юноша. Комбинезон синей

раскраски выдавал принадлежность к пилотской гильдии. Зеленоватый оттенок кожи говорил о том, что он выходец с Союза Шар-хам Шаха.

– Привет, Корвен, – улыбнулся я, протягивая открытую ладонь.

Он приветственно хлопнул по ней и улыбнулся в ответ.

Эта неожиданная встреча в лифте меня порадовала. С лейтенантом третьего класса Корвенем Шандарой я познакомился вчера. Мы сидели в мягких креслах в мелко дрожащем от предчувствия полета шаттле, и мягкий женский голос отсчитывал секунды до старта. Корвен, как и я, только что окончил пилотскую школу, но, в отличие от меня, никто бы не смог его назвать новичком на флоте. Он служил в сервисслужбе на легендарном линкоре «Тепис» и в летную школу перешел за полгода до того, как этот непобедимый флагман был уничтожен в неравном бою вражеской эскадрой у Звезды Пахаря.

Сидя в кресле шаттла, я был еще на взводе после скитаний по штабным кабинетам и не особенно стремился к задушевной беседе с незнакомым человеком. И Корвен сочувственно произнес:

– Штабные крысы – это призвание. Их всегда больше, чем надо. Не обращай внимания.

Это было сказано с таким искренним сопереживанием, что парень сразу же мне понравился. И мы разговорились. Потом шаттл присоединился к стыковочному сектору «Атолла-1000», оттуда шлюпка доставила нас к пункту назначения – на флагманский линкор «Бриз». Нас встретил первый помощник начальника штаба капитан третьего класса Робгур Грак, сухо поприветствовал, для порядка проинформировал, что, если мы прибыли сюда за романтикой и развлечениями, лучше нам поискать другое место, многозначительно пообещал «красивую жизнь» и отдал в лапы интендантов. Те снабдили нас всем необходимым, выстроили, представили нашему будущему командиру – капитану Арвину Лоттену, медлительному, как медведь, смотревшему на нас с добродушной усмешкой человека, уверенного в своих силах и не привыкшего растрачивать их по пустякам.

– Ну что, зеленые, повоюем, – сказал он.

После этого интенданты нас расселили по каютам. Я привел себя в порядок и провалился в беспокойный сон...

И сейчас встретился с Корвенем снова

– Ночные сборы тут в порядке вещей? – спросил я у него и поймал на себе снисходительно-презрительный взор кряжистого капитана третьего класса, находившегося с нами в лифте.

– Ночной сбор может означать только одно, – сказал Корвен. – И не скажу, что это меня радует.

– Что?

– Это означает, что эскадра выдвигается в район предполагаемого боевого контакта.

У меня что-то екнуло в груди. И я воскликнул:

– Так скоро?

– Эскадра не может подстраиваться под нас. Так же, как и противник, – пожал плечами Корвен – Так что скоро у нас будет «красивая жизнь», как обещал капитан Робгур Грак. Платформа затормозила. Прозрачная лифтовая труба лопнула, как перезрелый плод. И мы вышли прямо в строевой зал.

Это было просторное, идеально круглое помещение метров ста в диаметре. Купол представлял из себя сплошной стереоэкран, на котором были видны звезды.

Карточка компьютера, прилепленная в гнездо к поясу, тонко пискнула. На ней появилась схема зала, и где пульсировал синий квадрат.

– Это место для новобранцев, – Корвен указал в сторону. Там действительно горели синие линии, очерчивающие квадрат, в котором набралось человек пятнадцать. Часть из них я видел вчера в шаттле.

Зал был расчерчен такими же квадратами, только других цветов. Так отмечались места построения подразделений.

Цифры на моей компкарточке вели обратный отсчет. Когда появится «ноль» – время истекло. За минуту до контрольного времени все стояли на своих местах. Шеренга из сорока человек – это моя команда. Такие же, как я, неопытные, нахотлившиеся, старающиеся выглядеть серьезнее. Люди, которые еще не были в бою. На месте командира стоял уже знакомый мне капитан Арвин Лоттен.

Я стоял рядом с Корвеном – мы были почти одного роста, только я в плечах раза в полтора пошире, и морда у меня грубая, квадратная.

– Смирно! – пронесся по залу громовой голос.

Все вытянулись в струнку. Лица каменные, как у клонов, брови сведены – сама решимость. Взоры прикованы к точке в центре зала.

В полной тишине, нарушаемой лишь дыханием и стуком сердец, в зал в сопровождении двух своих заместителей, начальника штаба и командиров кораблей прошел командующий эскадрой адмирал третьего класса Гор Лармен. Он являл собой огромного роста седого мужчину с тяжелым взором. Его форменный комбинезон отливал золотом и серебром, большая одиннадцатиконечная звезда горела на рукаве, меняя цвета. Лармен оглядел присутствующих. Ступил на пятиугольную белую платформу в центре зала, и она бесшумно взвилась вверх, зависнув на высоте трех метров.

– Вольно, содруги! – зычно крикнул он. По команде «вольно» можно ослабить одну ногу и положить ладони на пояс.

– Не буду тратить время на пустые разговоры, – голос у адмирала был зычный, командный. – Боевая задача. Пять-ноль текущего дня – время перехода, Расстояние – семь световых лет. Автоматические разведывательные модули засекли продвижение в супервакууме по направлению к системе Фаланги рейдовой группы противника. Цель ее – Саслен. Население планеты – триста миллионов жителей. Оборонительный комплекс третьего класса. Окраина Сферы.

Он помолчал. Взор его остановился на нашей шеренге.

– Докладываю – у нас пополнение из летных школ с Дирра и Финин.

Галахвар адмирал не назвал. Оно и неудивительно. Я был оттуда один.

На мгновение адмирал замешкался.

– И из школы Галахвара, – со странным оттенком произнес он.

По залу прошел сдержанный ропот Галахвар. Никто ничего не забыл. Я ощутил, как любопытные взоры устремились на нас. Каждый из любопытных хотел увидеть выпускников с Галахвара.

– Пополнение закрепляется за истребителями класса «Альбатрос», – продолжил адмирал. – В качестве ведущих я выделяю лучших летчиков. Учитывая, что в ближайшее время, возможно, нам придется вступить в боевой контакт, достаточного времени на срабатывание экипажей нет. Поэтому прошу использовать каждую минуту. Вопросы?.. Все...

– Смирно! – заорал, будто стремясь выскочить из комбеза, начальник штаба.

– Вольно.

Платформа опустилась. Адмирал сошел с нее и быстрым упругим шагом направился из зала.

Рядом с нами был фиолетовый квадрат. Я уже прикинул, что в нем столько же народу, сколько и у нас.

– Ведущие, – прошептал Корвен. – Вот она, наша судьба.

– Почему? – спросил я.

– Потому что от них зависит, жить нам или умереть, Серг. От них...

Встречавший нас вчера старший помощник начальника штаба Грак подошел, вытянулся по стойке смирно и что есть силы завопил:

– Напра-во! Ма-рш! Стой! Нале-во! В шеренгу – стройсь... Теперь две шеренги стояли лицом к лицу – как стенка на стенку, в пяти метрах.

– Раз, два, три, – считал Корвен едва слышно. – Во, мне достается командир. Сам Арвин. Нормальный мужик.

– Ты откуда знаешь? – спросил я.

– Пока ты спал, я успел послоняться по кораблю, кое-что разузнать и познакомиться с людьми. Словечком перекинулся.

Тут для меня ничего удивительного не было. Корвен из тех людей, которые найдут общий язык даже с мерканским клоном.

– Так, – он пригляделся. – А тебе, брат мой, не повезло.

– Что?

– Женщина.

– Ну и что?

– Да нет, ничего. Командир-женщина – это не страшно.... Если только она не капитан второго класса Талана Алыптен.

– И что?

– Ее прозвище – СС, – хмыкнул Корвен.

– Что это значит?

– Суперстерва.

– Ого...

Капитан-штабист посмотрел на обе шеренги и заорал:

– Смирно! Ну налюбовались друг на друга? Все – стажеры поступают в распоряжение ведущих... – он остановился перед шеренгой ведущих. – И сделайте за те несколько дней из этих щенков хоть какое-то подобие псов!

Он кивнул Арвину:

– Командуйте, капитан, – повернулся и направился к лифту.

Арвин вышел из строя и сказал:

– Знакомьтесь. В десять утра встреча в классе эскадрильи. Для непонятливых уточню – мы теперь пятая эскадрилья первого дивизиона прикрытия... Р-разойдись!

После этого он подошел к Корвену и хлопнул его по плечу.

– Ну, напарничек, наведем мерканам шороху?!

– Так точно.

– Уж точно так... Пошли, переговорим накоротке.

Все разошлись. А я стоял как вкопанный.

Капитан Талана Алыптен неторопливо, заткнув большие пальцы за пояс подошла ко мне. Обошла, разглядывая, как предмет, назначение которого она представляет себе не совсем ясно и который по чьему-то капризу предстоит приспособить хоть к какому-нибудь полезному делу, да вот только жалость, что ни на что путное он не годен.

Выпускник Галахварской летной школы, – куда-то в пространство произнесла она.

– Так точно, – воскликнул я.

– Знаешь свою главную задачу?

– Управление системами вооружения тяжелого штурмового истребителя «Альбатрос».

– Главная твоя задача – не лезть под руку в бою.

– Так точно, содруг капитан.

Я чувствовал себя неуютно – как солдат-наземник под обстрелом тяжелой артиллерии. Она остановилась напротив меня. И я смог рассмотреть ее внимательнее. Невысокая, возраст определить трудно, движения плавные. Лицо круглое, с прямым носом... Впрочем, не так это

и важно. Лицо как лицо. Волосы очень короткие, не ухватишь, хотя устав не ограничивает женщин в длине прически. Женщина... О чем я? Какая женщина?! Это капитан космофлота второго класса! СС! Суперстерва!

Она снова обошла меня. Сколько это могло продолжаться? Ночь на корабле.

Тягучая процедура знакомства, а точнее моего изучения, должна была наконец закончиться. Я мечтал повалиться сейчас в постель.

– Не выспались, лейтенант? – жестяным голосом осведомилась она.

– Я в порядке, содруг капитан.

– Вот и отлично. Тогда – в тренингзал.

– «Камера пыток», – усмехнулся я и тут же прикусил язык.

Она посмотрела на меня вопросительно. И, расставляя четко ударения, выдала следующее:

– Лейтенант, на первый раз делаю вам замечание. В другой – будете наказаны.

– Есть, содруг капитан.

Глава третья

ГИБЕЛЬ В «КАРТОННОЙ КОРОБКЕ»

Перегрузка вдавила меня в противоперегрузочное кресло. Но ни эластонити, ни гравинейтрализаторы не могли помочь. Тяжесть готова была раздавить меня.

В глазах померкло, а потом заплескали яркие искры. Казалось, сейчас моя голова в контактном шлеме просто лопнет и разлетится на куски. Я с трудом вздохнул, перевел дыхание.

Талана вывела «Альбатрос» из одного виража и тут же бросила его в новый.

Шарх ее забери! Еще пара таких выкрутасов – и для того, чтобы отправить меня на тот свет, не понадобятся услуги меркан. Все сделает за них мой командир! СС! Суперстерва – лучше не скажешь...

В глазах немножко прояснилось. И я снова смог охватить картину боя – разноцветные точки, линии, пятна, бледный контур космокарты «объема боя» – изображение шлем проецирует не на глаз, а непосредственно на зрительный нерв слабыми лептонными импульсами.

Постороннему показалось бы, что разобраться в этих пересекающихся линиях, движущихся точках не под силу человеку. Но меня учили этому искусству четыре года, так что ориентировался я в рисунке без труда. Другой вопрос – насколько эффективно я мог действовать. А вот тут были проблемы...

Мои пальцы, как на музыкальном инструменте, играли на контактных панелях рядом с подлокотниками кресла, подчиняя мне управление огнем, – я мог выдать залп из плазменной пушки, достать противника наводящейся торпедой, выпустить обманки, чтобы сбить вражеский прицельный огонь. А при гибели или ранении первого пилота я мог взять управление на себя, но такой случай мне вряд ли представится.

Я увидел черту, рассекавшую «объем боя» справа от нашего истребителя, напряг правую руку, активизируя системы. На!

Есть! Вспышка. Плазменный шар из бокового плазменного орудия достал вражеский истребитель! Я молодец! Я что-то умею! Я могу!

– Лейтенант! – ударил по ушам вопль командира. – Какого шарха?!

Я вжался в кресло. Пока зевал, наслаждаясь победой, пропустил зеленую линию слева – истребитель противника на боевом заходе. И в результате чуть не погубил нас. СС взяла оружие под свой контроль и послала плазменный разряд, Вражеская машина вильнула, вышла из зоны поражения.

Уф-ф...

Бой затянулся. Мы были в самой его гуще. И мне было очень тяжело

– Прижали, – прошипела СС, бросая «Альбатрос» в вираж. – Заснул?!

Я не заснул. Я честно пытался прикинуть, как снять ближайший истребитель.

Их было много. Они лезли отовсюду. Преимущество в численности и, главное, в позиции было на их стороне. И нам не светило ничего.

Линии «рисунка» пересеклись, впереди был тяжелый истребитель меркан, и я врезал по нему со всех орудий... Я должен был его снять... Промах. Расчет оказался неправильным.

– Что ты делаешь?! – заорала Талана и заложила новый вираж, от которого затрещали кости и все встало с ног на голову. В глазах все перемешалось – точки истребителей, треугольники лемурийских эсминцев и мерканских фрегатов, линии огня и прогноз траектории Серая пятнистая туша каменистого безжизненного спутника, вокруг которого шел бой, перевернулась несколько раз. Красный гигант сзади тоже метался как-то бессистемно. Нас швыряло, как

щепку в водопаде. Меня мутило. Я потерял ориентацию и утратил способность вообще к чему бы то ни было.

– Лейтенант! – крикнула она. Я почти наугад выпустил пару плазменных шаров... Потом наш истребитель трянуло. Нас достало зарядом, и пламя начало пожирать «Альбатрос»,

– Все, – сдавленно прошептал я...

Наша машина погибала. Оранжевое пламя, из тех, которые горят и в полном вакууме, прожгло обшивку, жадно лизнуло скафандр на моем предплечье, поползло выше. Я заорал от безумной боли. И меня заботливо окутала спасительная тьма.

... Очнулся я от холодного воздуха, дующего мне в лицо. Включилась система медицинского обслуживания скафандра, начал поступать озонированный кислород с биодобавками. Голова от этого коктейля светлела быстро.

Я дернул контактный шлем. Нажал на клавишу. Легкая металлическая крышка «картонной коробки» – так в народе называют стационарное устройство тренингового контакта – отошла.

Я судорожно вздохнул. Посмотрел на руку. Потрогал ее. Эта рука только что была спалена плазменным зарядом, выпущенным мерканской пушкой. На ее месте должна была быть обугленная рана... Тьфу, ничего подобного. Это все двойная реальность. Тот бой жил в глубинах компьютера тренингового комплекса. Все это морока, обман...

Но все равно внутри я сотрясался от дрожи. СС умудрилась не мудрствуя лукаво врубить УРРЕАА тренинга (уровень реальности) на сто процентов. Помимо прочих радостей это означало реальную, как в жизни, боль. Реальные страдания. Реальные стрессы.

Кстати, пока я пытался собрать себя по частям, проклиная все на свете, она уже была на ногах. Сложив руки на груди, она стояла и терпеливо ждала, когда я приму вертикальное положение и доложу:

– Лейтенант Кронбергшен тренинг-погружение закончил,

– Отвратительно, лейтенант... Просто отвратительно, – скривила она тонкие губы.

Ответа тут не требовалось. А требовалось стоять, выпучив преданно глаза, и заботиться об одном – ни в коем случае не распускать язык, не спорить, не возражать. Не пытаться объяснить, что давать УРРЕАЛ-один в первый совместный тренингоконтакт – это не только опасно, но и положить руку на сердце является законченным садизмом. За все время моей учебы такой уровень включали три раза. Наши преподаватели боялись УРРЕАЛа-один, поскольку он нередко приводит к тяжелым психотравмам. Но СС было все равно. Ее меньше всего заботило мое состояние. По практике я знал, что таким командирам возражать – только искать себе приключения. Все возражения кончаются комплексом карательных мер. Командир всегда прав – на таком нехитром постулате не одно тысячелетие держится армия. И еще крепче – флот.

– Успеваемость в летной школе? – резко спросила Талана.

– Только отличные отметки, – ответил я.

– Все равно, вы просто балласт... Тут шарх все же потянул меня за язык:

– При тренингопогружении мы сбили два вражеских истребителя.

– И вражеские истребители сбили нас. Напомню, из-за вашей неспособности скорректировать вовремя огонь бортовых орудий... Что вы так смотрите? Я не права?

– Никак нет. Вы правы, содруг капитан.

– Польщена, что вы это признали, – саркастически произнесла она. – Отличник, вы слышаны о разнице между учебным и реальным боем?

– Так точно.

– Вам в вашей школе должны были вдолбить, что разница эта – пропасть. Ни один учебный бой, даже с УРРЕАЛом-один, не заменит настоящего. Отличники в компьютерных боях не раз оказывались в реальной ситуации ни па что не годными. Вы этого не знаете?

– Знаю.

– Ну да. Отличные отметки, – в ее голосе звучала такая издевка, что мне вдруг захотелось провалиться сквозь землю за то, что преподаватели ставили мне «отлично» на экзаменах. Она подошла к пульта, стоящему между двумя «картонными коробками» в просторном зале тренингового комплекса, в котором умещалось три с половиной сотни устройств тренингового контакта. Нажала на слабо светящийся малиновым цветом контактквадрат, задала программу. И из пустоты, быстро приобретая четкость, проступила квадратная объемная картинка со стороной в полтора метра – голографическая развертка с записью проведенного нами боя. В глубине объема нетрудно было узнать красную планету-гигант, ее серый скалистый спутник, сошедшиеся в горячей схватке боевые машины. Читался рисунок боя. Горели один за другим истребители. Вспыхнул, окрасился белым пламенем и развалился на куски наш эсминец.

– Медленнее... Еще медленнее, – приказала Тала-на компьютеру. Точки поползли медленно. Самая большая белая мигающая точка – наш «Альбатрос». Он ушел от одного залпа. От другого. И вот ключевой момент – мерканский легкий истребитель класса «Короед», который я, зазевавшись, не отсек бортовыми орудиями, хотя имел для этого все возможности, разнес наш борт с расстояния в сто пятьдесят километров.

– Видите вспышку, – СС окунула руку в голографическую развертку, будто хотела схватить вспыхнувший огонек. – Мы мертвы, лейтенант. Добро пожаловать на тот свет..., Только не повторяйте, что мы сшибли два вражеских истребителя. Мне нужны не бестолковые самоубийцы, горящие праведным стремлением к самопожертвованию и мечтающие унести в могилу побольше врагов. Мне нужен пилот, который умеет выживать. И убивать. Это понятно?

– Так точно, содруг капитан.

– Свободны. В семь тридцать, после завтрака, жду вас здесь.

– Есть...

Таким оплеванным я не чувствовал себя никогда... И все-таки, что бы она ни говорила, я сшиб истребитель. Пусть в учебном бою, а не в реальном. Но я уверен, что и в реальной обстановке он горел бы точно так же... Впрочем, это мы посмотрим. Ждать осталось недолго...

Внешне движение в космосе нашей эскадры ни в чем не выжалось. Ни один сторонний наблюдатель не поверил бы, что через пространство несутся боевые корабли-вакуумпробойники, внешне смахивающие на гигантские медузы.

В наше время сверхсветовые скорости считаются недостижимыми, как и триста лет назад, когда появилось понятие светового барьера. Световой барьер никто пока не смог отменить. Но после открытия эффекта сжатия вакуума и изобретения способа формирования точек перехода в супервакуум волшебным образом изменилось само понятие масштабов и расстояний. И сегодня огромные корабли-вак-уумпробойники, сдавливая пространство в точке размером не больше элементарной частицы, пробивали «дырку» в привычном нам мире и через нее проваливались в иную фазу пространства-времени. Ученые окончательно запутались, пытаясь теоретически обосновать этот процесс. Да и вообще до сих пор так и не создана научно выверенная картина самого вакуума, нет и в помине понимания, что происходит в момент «пробоя». Конструкторы действовали больше методом проб и ошибок, часто интуитивно, так что прогресс «вакуум-пробойной» технологии напоминал больше искусство, чем науку. Так или иначе, цивилизации стали доступны звезды, что привело к расселению людей по нашему сектору Галактики, установлению контактов с другими гуманоидными цивилизациями, созданию Лемурийской Большой Сферы и Объединения Мерканских свободных миров, а позже и к столкновению их друг с другом.

Эскадра неслась сквозь «плотный вакуум» к цели, и только разбросанные по космосу десятки тысяч автоматических разведывательных модулей, детекторов контроля возмущения среды, фактически одновременно пребывающих в разных слоях реальности и образующих глобальную систему космического оповещения, могли засечь это продвижение, на чем, кстати, и

строилась вся система нашей и мерканской обороны. Если бы не она, корабли возникали бы будто из ниоткуда и уходили в никуда, что кардинально изменило бы и тактику, и стратегию боевых действий. Вот тогда напряженность боевых действий была бы совсем иная, и война завершилась бы куда раньше. Возможно, не в нашу пользу.

Расстояние в семь световых лет наше соединение должно было покрыть за двенадцать дней. То, что мой корабль продирался сквозь супервакуум, никак не отражалось на внутреннем распорядке и течении жизни. Внешнее движение вообще не ощущалось. Казалось, линкор «Бриз» намертво врос в толщу скал. Не было никаких контактов с окружающим пространством. Никакой информации мы ни от кого не получали. Иллюминаторы и экраны показывали такую темень, какой не сыщешь нигде в обычном космосе.

– Который раз ныряю в вакуум – никак не могу поверить, что все происходит на самом деле, – сказал Корвен, с которым мы давили стаканчик-другой алкоголя в корабельном овальном баре на пилотской палубе. Здесь была пара десятков столиков, вырастающих из бугристого мягкого пола, система автоматической раздачи напитков работала безотказно, а потолок и стены украшала стереокартинка голубого, покрытого редкими кучевыми облаками небосвода и лесистого пейзажа. – Хоть убей, не в силах поверить, что мы вынырнем в системе Фаланги. И не поверю... Пока мы не вынырнем. Мне кажется, что супервакуум – это такая шутка... Будто все шутят, что он есть...

– Но ведь не шутят, – возразил я.

Шли восьмые сутки моего пребывания на «Бризе». И мне тоже чудилось нечто подобное. Человек все чаще не в силах разумом охватить свои творения.

Слишком далеко зашел прогресс. Слишком высоко мы забрались с того времени, когда ножами выделывали шкуры и ковали в кузнях мечи и плуги.

– Думать над этим, – махнул рукой Корвен, – голову сломаешь...

Мы пьем легкое прозрачное вино. И отличное, хоть и синтетическое, пиво. И жизнью вполне довольны. Самые невероятные вещи и свершения человек упаковывает в серую обертку обыденности и скуки и сживается таким образом с ними. Такое вот наше поганое свойство.

– Ничего не попишешь, – согласился я. – Закон привычки. Все входит в привычку. Даже чудеса. Еще три сотни лет назад ни один человек не поверил бы, что можно за несколько дней преодолеть несколько светолет.

– Пятьсот лет назад никто не поверил бы, что можно вообще приподняться над землей, не размахивая крыльями.

– Это мысль философская. Давай еще по бутылочке пива, – тут же предложил я.

Сказано – сделано. На мою просьбу стойка бара выплюнула еще две банки с пивом. Я отпил глоток... И пиво встало поперек горла, когда сзади зазвучал до мерзости знакомый голос:

– Его превосходительство изволит пьянствовать.

Я подскочил на стуле. Потом быстро встал, вытянулся, собрав волю в кулак и придержав готовое вырваться ругательство. Корвен сочувствующе посмотрел на меня, тут на него обрушился твердый, как алмаз, взор СС, и он непроизвольно – само тело подалось – вытянулся по струнке.

– Ваше время прохождение, лейтенант Шандара, меня не интересует – с вами мучиться Арвину. А поведение лейтенанта Кронбергшена удручает меня...

Мне хотелось сказать, что поведение капитана Альштен печалит меня еще больше, но я пока еще не записался в клуб самоубийц. И все-таки обидно. Я всего час назад вылез из «картонной коробки» и не мог прийти в себя после того, как в грудную клетку воткнулся осколок переборки, превратив мое тело в сплошное кровавое месиво.

– Что вы себе позволяете? – строго осведомилась СС.

– Я подумал, что можно немного расслабиться, со-друг капитан.

– Вы подумали?.. Вы умеете думать? А, вы же отличник летной школы... Психоподавляющие вещества, как я вам уже говорила, на эти дни запрещены.

– Бутылка пива. Всего-то...

– Запишите на свой счет еще два наряда... Отработаете после системы Фаланги. Сейчас приведите себя в порядок. Бегом в медпрофилактический блок. Через полтора часа я вас жду в тренинговом комплексе.

– Опять?

– Три наряда, лейтенант!

Ей Богу, когда я был курсантом-первогодком, со мной обращались куда ласковее. Интересно, если бы там попались такие командиры, меня по-прежнему тянуло бы к звездам?..

Я упрямо и зло посмотрел на нее. Она напоролась на мой взор, вперила в меня глаза, и ее губы тронула легкая усмешка.

– Выполняйте.

– Есть.

Она обернулась и двинула из бара, провожаемая насмешливыми взорами офицеров, которым эта сценка пришлось по душе СС была достопримечательностью корабля. Говорили, что равной ей по вытягиванию жил нет во всем космофлоте.

Когда она вышла из бара, послышались громкие хлопки. Лопатообразные волосатые лапы аплодировали с воодушевлением, а бородатые звероподобные рожи лыбились непристойно, как и положено лыбиться равванским наемникам. Самая отвратительная рожа, как принято у равван, принадлежала самому старшему из них. Я уже знал, что это капитан Сарн Вольген – существо опасное, от которого следует держаться подальше, поскольку он является источником большинства беспорядков как «на палубе», так и при увольнениях на планеты.

– Крепкая штучка! – тыкнул один из наемников.

– Пантера. Я бы побаловался с ней в постели, – развел капитан Вольген лапами, в одной из которых была зажата пол-литровая банка крепкого «прозрачного вина».

Я бросил на него немного удивленный взор. Такая мысль могла прийти в голову только полному психу – лучше обручиться с коброй. Но равване пользовались заслуженной славой психопатов.

– Чего, сосунок, у меня что-то интересное нарисовано на роже? – угрожающе осведомился капитан Вольген.

С равванскими наемниками обычно никто не связывался. И я не хотел открывать счет тех, кто будет бодаться с этими негодьями. Так что взор я отвел.

– Животное, – хмыкнул капитан в мой адрес и отвернулся... Кто бы говорил!

– У меня Арвин – свой в доску, – искренне жалея меня, произнес Корвен, допивая пиво. – Понимаем друг друга. Гонять тоже мастак до седьмого пота. Но он свой в доску. А СС, как скорпиона, все за километр стороной обходят.

– Мне повезло.

– С другой стороны, она выжила на «фестивале» у Звезды Альхара.

Я присвистнул. Для меня это было открытие. На этом «фестивале» (так издавна именуют во флоте космические сражения) мало кто выжил. Он до сих пор предмет многочисленных споров, любимый объект для литераторов и режиссеров глобальинфосети.

– СС, – будто осмысливая это слово, произнес я. Оно навело на меня какие-то туманные ассоциации, но я не мог понять какие. Понимал лишь – это что-то такое, чему образ моего командира соответствует вполне...

СС... Я замер. Все вокруг будто стало отдаляться. Изнутри опять хищником воспряла тревога, готовая вцепиться мне в самый загривок. Мне вдруг стало одиноко и тоскливо...

– Что с тобой? – обеспокоенно потряс меня Кор-вен за плечо.

– Не знаю...

У меня опять было состояние, схожее с тем, когда я выныривал из сна, брел к двери, но не мог добрести. Я ощущал, что не могу в себе разобраться. В глубине существа лежал какой-то камень, тянущий меня вниз.

– Все, пошел приводить себя в порядок, – я встряхнул головой, бросил опустошенную банку с пивом, она упала и была тут же проглочена рванувшим из стены хоботом уборщика. Меня ждал медпрофилактический блок в каюте, а потом – «камера пыток».

Чтобы сработать двойку (пилот – оружейник) тяжелого истребителя класса «Альбатрос», нужен минимум месяц. Обычно спевка идет по этапам: «картонная коробка», совместные патрульные вылеты, участие в боевых действиях «на подхвате». Сразу новичков кидают в пекло лишь в исключительных случаях. Когда дела идут неважно и другого выхода нет.

У наших ведущих было двенадцать дней, чтобы довести нас до кондиции. И эти дни дались нам дорого. Работали в «камере пыток» до седьмого пота. Но никто не мог похвастаться, что его гоняют, как меня. СС превзошла все мыслимые пределы. Я валился с ног от усталости. Через силу залезал в душ и включал медпрофилактический блок. Ионизирующий душ, электростимулирование биоактивных точек, полевые корректоры немного приводили меня в чувство, и я опять падал в мягкие объятия ненавистного устройства тренингового контакта. Я проклинал все на свете, И «картонную коробку». И линкор-флагман «Бриз». И тот далекий миг, когда решил стать, незнамо почему и для чего, пилотом, чтобы участвовать в бесконечной войне. Проклинал, но опять шел в «камеру пыток» и летел в лоб вражеским истребителям. Опять вылезал из «картонной коробки» и, рискуя рухнуть без сил прямо на упругий пластиковый пол, выслушивал от СС:

– Лейтенант, вы убийца. Вы только что погубили себя и своего ведущего.

Я скрипел зубами. Приходил в себя, И снова – «картонная коробка». Стопроцентная чувствительность, хотя у того же Корвена УРРЕАЛ не поднимался выше семидесяти, равно как и у других, Их жалели. Меня СС не жалела. Меня она ненавидела.

Скорее всего, я ее тоже ненавидел... Она была несправедлива, агрессивна, цинична и издевалась надо мной, кажется, с огромным удовольствием. Обиднее всего было то, что, кажется, она не столько стремилась вылепить из меня пилота в своем понимании (это еще можно было простить), сколько просто измывалась с целью сломать меня и выкинуть прочь... Только я ей этого не позволю. В летной школе отлично учат подчиняться и терпеть. Пилоту, который не овладел этим искусством, грош цена. И перетерпеть я могу многое. Может, когда-нибудь придет время и мы сочтемся... Может быть...

– Вы не раздумали стать пилотом? – улыбаясь холодно, спрашивала она.

Я имел шанс раздумать. По традиции перед первым боевым вылетом пилот мог отказаться от полета и быть с позором выкинутым из флота. Отказывались очень немногие. По моему, она стремилась, чтобы я вошел в их число.

– Никак нет, содруг капитан.

– Ладно, содруг лейтенант. Через час снова...

Медблок, Прийти в себя. «Картонная коробка». Безвкусная еда на обед – при воспоминании о том, как плазма выжигала желудок в последний раз, любой деликатес покажется пищевыми отходами.

Снова и снова тренировки.

На десятый день такой чумной жизни, когда я опять вывалился из «картонной коробки» и ощутил, что ноги отказываются держать меня, Талана прищурилась и сказала:

– Ладно. Будем считать, что первый этап закончен. Через «камеру пыток» вы прошли, лейтенант.

– Как?

– Все, тренажеры пока по боку. Отдых. Можете выпить банку пива. Только ничего крепче. Не увлекайтесь.

– Есть, содруг капитан.

– Если повезет, посмотрим у Фаланги, каков ты в бою и чего стоят мои уроки...

В этот вечер я заснул счастливым. Я знал, что завтра не будет «камеры пыток».

Ну а дальше – как получится. Последний выпускник школы Галахвара живет взаймы.

Глава четвертая

СИСТЕМА ФАЛАНГИ

Эскадра вынырнула в намеченном секторе системы Фаланги и вышла на орбиту вокруг красной газовой планеты-гиганта, оправленной в три кольца, – той самой, около которой раз за разом разворачивались боевые действия в «картонной коробке».

В системе Фаланги имелась одна колонизированная планета – Саслен. Она имела технологическую инфраструктуру, основу которой составляли гигантские биоконструкторские комплексы, раскинувшиеся на трех континентах. Остальные планеты системы никакого интереса не представляли – для жизни они не подходили.

Следов меркан здесь не было и в помине. «Плоскостники» с Саслена жили обычной, достаточно беззаботной жизнью высокотехнологичного общества со стандартно высоким уровнем благосостояния. Наши стереовизоры ловили их безмятежные передачи, в которых и намек не было на то, что система может стать полем боя. Хотя пространство это считалось близким к границе, никто не верил, что вялотекущая война дотянется сюда. Прибытие эскадры, обозначенное как плановый поход, было главной темой стереопередач аж три дня, потом подоспели пара громких преступлений, выборы муниципальных контролеров, пуск четвертой линии планетарного кваркового реактора и перевод комбината «Биоактив» на новую технологию синтеза субактивных полимеров...

– Меня поражает эта беззаботность, – говорил я Корвену, с которым мы сидели в моей каюте. Стереовизор растворил всю стену, и на ее месте возникали картинки городов Саслены. Ничего особенно выдающегося нашим глазам не представало. Обычная провинциальная дыра. Неизменный километровый, со старомодным радужным покрытием небоскреб в столице, в нем расположены административные службы, и он должен наглядно демонстрировать процветание планеты. Жилые пузыри в полярных холодных районах. Стандартная застройка с домами-гроздьями и «шайбами». И, эстетсвенно, аборигены, гордые сознанием того, что судьба позволила им жить в этом «самом лучшем уголке Вселенной».

– «Плоскостники» вообще забыли, что идет война, – сказал я.

– Для них она далеко, – пожал плечами Корвен, рассматривая в иллюминатор красный гигант с двумя большими, в тысячи километров, темными пятнами смерчей, которые кружатся тысячи лет.

– Далеко?.. За год мы потеряли две планеты и двести тысяч человек.

– Еще вспомни погибший линкор, одиннадцать крейсеров... Это «плоскостникам» ничего не говорит, – Корвен закинул в рот сладкую хрустящую пластинку и бросил опустевший пакет в угол. Оттуда появился чавкающий хобот уборщика, запрограммированного мной из-за ненависти к беспорядку подбирать все плохо лежащее.

– Но две планеты...

– Они умом понимают это. Но поверить не могут. Война идет уже семьдесят лет.

– За семьдесят лет мы потеряли восемь планет... А тут две в год.

– А ты знаешь, что немало «плоскостников» вообще ничего не имеет против того, чтобы сдаться? – посмотрел на меня с насмешкой Корвен,

– Знаю, – кивнул я, вспоминая разговоры знакомых и соседей в той далекой, теперь кажущейся нереальной жизни, когда свет для меня еще не сошелся клином на космофлоте, на линкоре «Бриз». Да, я немало слышал пространных рассуждений и о том, что под Мерканой ничуть не хуже, а, может, даже и лучше, чем под Лемурией.

– Все дело в том, что война идет слишком долго. И она слишком далеко. Ненависть, движущая массы, иссякла. Тем более что в большинстве случаев боевые действия ограничиваются схваткой флотов, и высадка на захваченные планеты происходит достаточно мирно. И после оккупации «плоскостники» продолжают жить, как жили – четырехчасовой рабочий день, сенсоригры, тысяча и одно удовольствие. Кстати, в вопросе удовольствий меркане достигли куда больше, чем мы. Тут с ними трудно состязаться. «Простому человеку не все равно, кто пишет для него законы». Не слышал такое мнение?

– Слышал.

– Внизу полно пораженцев... Они перестали верить во врага, считая всю информацию о нем пропагандой военных.

– Кстати, меркане должны были появиться здесь еще пять суток назад, – сказал я.

– Заждался? Не терзай себя. Коротай время до смерти.

– Что у тебя за язык, Корвен?!

– Вся наша жизнь – это коротание времени до смерти. Просто у некоторых это получается интереснее и удается растянуть процесс подольше...

– Корвен, а почему наши разговоры все время скатываются на философствование?

– Наверное потому, что мы пилоты-философы, – засмеялся Корвен.

– А может, враг вообще не доберется сюда? И мы просто бесполезно болтаемся в космосе?

– Возможно. Разведывательная система флота время от времени дает неправильную информацию. Датчики контроля какие-то непонятные возмущения вакуума принимают за движущиеся космические корабли. Все может быть... Но не будет.

– Почему?

– Потому что у меня чешется нос. А это к хорошей потасовке.

– Хохмач.

– На том стоим... Хотя лично мы можем вообще не попасть в дело. Пилотов-стажеров пустят в последнюю очередь. Да и мы – дивизион прикрытия. То есть должны прикрывать кого-то. В лучшем случае будем на подхвате... Но если дойдет до дела, мы многих недосчитаемся, Серг. Несработавшиеся стажеры горят, как факелы, вместе с ведущими.

– Хорош тоску навевать, – поморщился я, зная, насколько он прав.

– Напоминание, – пропел компьютер. – Готовность – десять минут.

– Пора, – сказал я.

Через десять минут начнется патрулирование. Боевые машины делятся по кубам и патрулируют их, пока контрольдатчики прощупывают вакуум. Каждый вылет – одиннадцать часов.

Патрулирование – род деятельности, где первую скрипку обычно играет скука. Только не с СС! С ней каждый полет становился продолжением «камеры пыток». Правда, наш «Альбатрос» не нарывался на плазменные заряды, но зато перегрузки настоящие, а не иллюзорные, и кости после них болят на самом деле.

– Пошли, – кивнул Корвен. И тут по ушам рубануло.

– Боевая тревога! – хлопнул в ладоши Корвен с отчаянной бесшабашностью. Не даром чесался нос. – Серг, меркане здесь!

Сердце у меня бешено забилось в груди. Все, шутки кончились. Начинается боевая работа.

Капитан третьего класса, прислонившись к стереоэкрану в коридоре, будто пытался высмотреть то, что отсюда не разглядеть, – корабли меркан. Он говорил сам с собой и время от времени бил забинтованным в регенерационный бинт кулаком о стекло, и из-под повязки сочилась кровь,

– Шарх! Они погубили нас, – бормотал он. – Сколько ребят. Сколько ребят... Шарх возьми. Мы не дождемся подмоги... Меркане возьмут этот мир... Шарх возьми, тупицы!.. Нельзя защитить систему одной эскадрой. Шарх возьми. Сколько ребят...

К нему подскочил лейтенант первого класса, зло зыркнув на меня и Корвена, непрошенных свидетелей.

Капитан бил по экрану все сильнее и походил на безумного.

– Лор, пошли, – взял капитана за локоть лейтенант. – Ты хочешь, чтобы за тебя взялся Торрел?

Зловещее имя все сильного начальника контрразведки флотилии несколько отрезвило капитана. Действительно, за подобную истерику вполне могут предъявить обвинения в деморализации личного состава в боевых условиях. Врезав напоследок по экрану так, что регенерационная повязка слетела и кровь забрызгала стекло, капитан резко оттолкнул лейтенанта и, выпрямившись, зашагал к лифту.

Я знал в лицо этого капитана. Еще несколько дней назад он был веселым человеком, балагурил и рвался в бой. Теперь его будто подменили.

Мерканское соединение вынырнуло из супервакуума и набросилось на нас, как оголодавшая волчья стая на добычу, решив смять и раздавить сразу.

Меркане атаковали значительными силами, похоже, бросив в бой свои обычно оберегаемые резервы. Непонятно, почему они прицепились к этой заштатной системе, но, видимо, какой-то интерес у них был. И началась мясорубка.

Первый натиск мы отбили с большим трудом, при этом потеряли два эсминца. Я просматривал в записи, как они гибли. Зрелище было воистину устрашающим. Под напором бьющих с нескольких сторон плазменных батарей, как комья грязи, отваливается почерневшая обшивка. Плазма пожирает переборки, механизмы, людей, добираясь до кваркового реактора. И вот очертания изуродованного, истерзанного корабля-пробойника вдруг становятся нечеткими, по нему будто бегут полосы, как по барахлящему стереоэкрану, – это реактор идет в разнос, ломая пространство. И все рассыпается в пыль...

Мы выстояли. Только чего это стоило! Меркане сумели развалить два спутника планетной обороны. Третья эскадрилья второго штурмового дивизиона перестала существовать – из пятидесяти пилотов в живых осталось пять, они сейчас в реанимационных блоках. Пятая эскадрилья не вернулась ни одного... Список можно продолжать...

Какая-то глухая, пустая жуть охватывает, когда видишь, что становится меньше людей в синих комбинезонах. Пилотов стало меньше. И мне не хотелось, чтобы стало меньше еще на одного стажера... Ну нет, меркане пусть и не мечтают! Сегодня мы их накрошим властью.

Пятеро суток длилась эта бойня. Наши «Альбатросы» берегли до последнего. Мы участвовали в боях только на дальних подступах, контролируя подходы и ни разу не ввязавшись в бой. Пока мясорубка перемалывала других...

– Как твой нос? – спросил я Корвена, стараясь выкинуть из головы сцену истерики боевого капитана.

– Чешется еще больше.

– И что это значит?

– Что сейчас выбивают наши основные боевые подразделения. И в прорыв двинут нас. Три сотни лет назад во время Последней Большой планетарной войны у Островной Империи были летчики-смертники, таранившие вражеские авианосцы.

– И что?

– А то, что если нас двинут в прорыв в такой молотилровке, шансов у нас будет ненамного больше...

Я угрюмо кивнул.

Если двинут в прорыв?..

А дела шли все хуже. И когда весы битвы качнулись неуверенно, адмирал кинул на прорыв всех. Наше звено двинули первым. Как тех самых летчиков-смертников Островной Империи. Только целью был не старинный, покачивающийся на волнах авианосец, а мерканский фрегат, вклинившийся в линию нашей обороны и продавливающий ее медленно, но верно...

Когда зазвенел сигнал сбора нашей эскадрильи, я уже понимал, что он означает. А означать он мог одно – «периферийное прикрытие без активных боестолкновений» позади. Нас бросают если не в самое пекло, то близко к нему.

Я коснулся указательным пальцем браслета связи, этот жест означал – вызов принят. И двинул к лифту, ведущему в стартовый ангар «первого дивизиона прикрытия».

В последнее время я привык не спешить и не дергаться без причины. Каждое движение у меня теперь уверенное, точно рассчитанное. Передо мной расплзается проем лифта. Я спрыгиваю с платформы на пружинящий пол. Стартовый ангар. Я прибыл секунда в секунду. Ангар представлял из себя длинное, ярко освещенное, как операционная, помещение, в котором застыли на пусковых магистралях магнитных разгонщиков несколько десятков машин класса «Альбатрос».

Вот и моя машина – похожая на лобастого черного дельфина. «Плавники» генератора полей гравитационной нейтрализации по бокам. Четыре раструба орудий. Диски магнитных стабилизаторов внизу. Прозрачный «лоб» – это кабина первого пилота. Горб на «спине» – моя кабина, она теснее пилотской, но в истребителе не до комфорта – каждый грамм веса посвящен трем задачам: скорости, маневренности, огневой мощи. Человек потерпит. Главное, чтобы он мог выжить в этой машине и выполнить боевую задачу. Выжить удавалось не всем. Моему «три-восемь» стукнуло четыре года, и он пережил трех пилотов. На последнем издыхании он добирался до корабля-носителя. Ремонтники подлатывали его, меняли реактор, орудия, чистили кабину от гари и крови... Машину легче залатать, чем человека. Машина способна вырваться из огня с восьмьюдесятью процентами повреждений и снова стать в строй.

Я хлопнул по борту «Альбатроса» ладонью, и он слегка качнулся на посадочных опорах.

– Лейтенант, – услышал я сзади. Обернулся. Вот и СС.

– Пробуете машину на прочность? – усмехнулась она.

– Никак нет, содруг капитан, – отчеканил я.

– Смирно! – послышался вопль расторопного лейтенантика.

Это появился командир эскадрильи.

– Вольно, – небрежно махнул рукой спрыгнувший с платформы лифта Арвин. – Ведущие – ко мне. Получить полетное задание.

Он раздал небольшие квадратные карточки. В них было закодировано все необходимое для этого боя – связь, направление движения, взаимодействие. Бортовой комп «Альбатроса» проглотит эту информацию. Истребители накачиваются данными и из командного пункта, но обязательно дублирование.

– Ну что, братья пилоты, – криво улыбнувшись, обвел всех глазами Арвин. – Туризм закончился. Начинается нормальная работа... Если что, не поминайте лихом... И хранит вас бог войны... По машинам...

Я положил ладонь на идентификационную панель. Тонкий звук, как будто дернули за струну – идентификация проведена. Купол кабины оружейника с легким шуршанием – так сыплется песок – поднялся, и я скользнул на свое кресло, тут же услужливо подстроившееся под меня. Талана заняла свое место.

Купол опустился надо мной, отрезая от внешнего мира и привязывая к истребителю.

Я опустил прозрачное забрало, провел ладонью по шлему, замыкая контакты и сращивая скафандр воедино. Все – теперь можно хоть в вакуум, хоть в лаву вулкана на купание.

Зазвучала странная, привычная музыка – это оживал истребитель, и его системы замыкались на контактном контуре моего шлема.

Я прикрыл глаза. Некоторые чудачки умудряются работать с открытыми глазами, но это на большого любителя.

– Второй пилот. Контакт установлен, – продублировал комп пульсирующий зеленый сигнал голосом.

– Принято, – ответил я.

Теперь я хозяин вооружения. Плазмобойники, одиннадцать самонаводящихся торпед, ловушки-обманки для сбивания с толку противника и еще множество всякой техники, включая системы аварийной регенерации истребителя, замкнуты на меня.

Несколько секунд нужно на то, чтобы освоиться. Стать новым существом – с иными органами чувств и с иными возможностями. Одиннадцать секунд... Провал произошел. Картинка – стопроцентная. Перед глазами обработанная компом тактическая информация со всем необходимым, что нам нужно знать об «объеме боя». Я сросся воедино с компом «Альбатроса». И теперь мои собственные человеческие возможности дополняла фантастическая реакция бездушного искусственного интеллекта. У компьютера – быстрота вычислений. У меня то, что имеет только живое существо, – интуиция, эмоции и ощущения, способность из тысяч возможных вариантов наугад выбрать единственный правильный. Уже не первый век предпринимаются попытки создать полностью автоматизированную боевую машину. Вот только все эти чудеса техники выбивают в первые минуты боя...

Голубые точки, расположенные в ряд, срывались и уходили вперед. Это с площадок стартовых ангаров магнитными разгонщиками выстреливались, как пули из ствола пистолета, машины моей эскадрильи. «Триодин» ушел – в нем Арвин и Корвен. Да будет с вами удача! «Три-два» устремился следом... «Три-три» – ушел...

– Вперед, – крикнула Талана.

«Альбатрос» стрелой вылетел из стартового ангара. По машине пробежала дрожь – броня корпуса истребителя перестраивалась в боевой режим, черный, с синим отливом суперорганический металлокерамит менял свойства, превращаясь в зеркало, которому нипочем удары лазерных орудий.

Навалилась перегрузка – большую ее часть погасили гравитационные нейтрализаторы, но все равно приложило крепко. СС все нипочем – она сделана из железа. Ей лучше работать компьютером, заразе такой!

– Выход на расчетную траекторию, – послышался доклад компьютера.

Я и сам видел это. Мы шли в боевом строю. До цели нас отделяло несколько сот километров. На «плоскости» – это пропасть расстояния. Здесь же, в космосе, где машины в бою двигаются со скоростью десятков и сотен километров в секунду, – это миг...

Вдруг внутри у меня стало пусто. И вспыхнуло в сознании яркой вывеской – БОЙ! Мы шли в самое пекло. В первый мой настоящий бой – прошлое прикрытие чужих спин не в счет. И, может быть, мне остались мгновения. А потом моя фамилия казенно удлинит список потерь.

По телу поползли мурашки. Мне отчаянно не хотелось вперед. А хотелось спрятаться, уйти в сторону. Вот она, та самая кардинальная разница между «картонной коробкой» и реальным боем – жить или умереть решается по-настоящему, а не понарошку. Это тот порог, который удается перешагнуть не всем. Часть пилотов просто ломается. Я впал в панику... Закусил губу до крови, боль немножко отрезвила меня. Но все равно было страшно. И сознание напрочь отказывалось охватывать этот простой бескомпромиссный расклад – мне предстоит сейчас сгореть в машине или уцелеть. И шансы примерно равны...

– Спокойнее, лейтенант, – почувствовав мое состояние, произнесла Талана. – Сегодня хороним мы меркан. А не они нас.

– Мы устроим им наш «фестиваль»! – воскликнул я.

– И никак иначе! – с неожиданно прорвавшимся задором воскликнула СС.

А после этого мне стало не до переживаний и досужих размышлений. Потому что мы попали в самый, центр свары...

Я знал, что Талана – отличный пилот. В «картонной коробке» она демонстрировала прекрасную, ювелирно-точную работу, с долей сумасшедшинки, конечно. Но сейчас у нее вообще сорвало тормоза... И я мысленно поблагодарил ее, что в «камере пыток» мы работали на ста процентах УРРЕАЛа. Иначе я бы позорно выключился в первую минуту боя.

Наша задача – совместно с восемью штурмовыми звеньями легких истребителей класса «Морской ястреб» и четырьмя малыми катерами огневой поддержки класса «Саламандра» атаковать прикрывавший «объем» 22х24с11 мерканский фрегат.

Понятное дело, нас ждали. И нам готовили радушную встречу. Меркане умеют воевать. И любят воевать.

Никто не лезет в бой, не просчитав предварительно шансы. И по всей строгости тактического расчета шансы эти при любой попытке атаки фрегата у нас были не слишком велики. Но и не настолько малы, чтобы впадать в уныние. Однако с первым залпом плазменного орудия первоначальные тактические расчеты и прикидки перестали что-то значить. Мастерство, удача, кураж, боевой задор весили на переменчивых весах бога войны никак не меньше, чем количество, огневая мощь и маневренность машин.

«Объем» прочертил первый залп, едва не накрывший нашего «первого». И начался наш «фестиваль» Мой первый настоящий «фестиваль»...

Я с трудом успевал различать траектории, линии. Но все-таки успевал. Точки гасли одна за другой – это гибли их и наши машины. Весы войны неустойчиво балансировали, не желая клониться ни в одну, ни в другую сторону.

Талана вывела «Альбатрос» на линию атаки, и я успел послать три торпеды в направлении фрегата. Уклоняясь от залпа бортовых орудий зависшего за спиной мерканского «Синего паука», Талана начертила такое «кружево», что от перегрузок сознание с готовностью покинуло меня... Но вскоре вернулось снова. Я был в отключке не больше десяти секунд, но картина боя успела разительно измениться.

В следующий раз я отключился, когда мы получили в борт скользящий удар из плазморудия. Машину тряхнуло, и последнее, что я подумал, – она сейчас развалится.

Очнулся я быстро. Талана продолжала «плести кружево», то есть, в переводе с пилотского на общеупотребительный, закладывала виражи, уклоняясь от ударов.

У меня перед глазами ползли отливающие красным тревожные цифры бортового диагноза, показывающие, что поврежден один из дисков магнитного стабилизатора. Это значит, мы теряем десять процентов скорости и пятнадцать – маневренности. Пятнадцать процентов повреждения защитного покрытия корпуса... Шарх, еще одно попадание, и мы превратимся из истребителя в мишень.

– Тысяча шархов! – воскликнул я.

И перегрузка опять вжала меня в кресло...

– Выберемся, – Талана продолжала «плести кружева».

Слева проплыл в пределах видимости окутанный дымкой силового поля зеркальный белый диск с плоскими отростками накопительных дуг – мерканский фрегат, наша цель.

Отвлекаться на глазение на него я не имел возможности. Замигала лиловая точка, и я зашипел, как от зубной боли. Истребитель Корвена подбит.

– Работай! – диким голосом заорала Талана. – Не спи!

Я высадил несколько плазменных зарядов, пытаюсь, чтобы они пересекли синюю линию – траекторию противника. Не получилось...

Что было потом – помню плохо. Держались мы на плаву благодаря искусству СС ни на миг не теряя самообладания, «плести кружева» и не обращать внимания на перегрузки.

Мне все труднее становилось следить, как меняются наши боевые порядки. Но они сохранялись – порой в диком виде. Мы пытались отвоевать, взять под контроль более значительную часть «объема боя». Меркане стремились к тому же. И у них получалось лучше. Они теснили нас. И вскоре стало понятно, что если они прогнут «объем боя», то вытеснят нашу эскадрилью прямо под орудия своего фрегата. Строй распадется. А распавшаяся штурмовая группа, не выполнившая наскоком свою задачу, обречена рассыпаться на фрагменты, и тогда истребители будут уничтожены поодиночке.

– Ну держись, стажер! – крикнула Талана и кинула машину вперед, туда, куда никто в здравом уме не полез бы, – в центр боевого порядка мерканских «Синих пауков».

Это был отчаянный шаг. Я видел, как «объем» вокруг нас прочертили линии – это мерканские истребители молотили нас торпедами и орудиями. Я едва успевал сбрасывать обманки, увлекающие за собой торпеды.

Еще осталось в памяти диковатое зрелище – мчащийся на сближение с нами параллельным курсом мерканский «Синий паук» – до него было несколько сотен метров, то есть он практически терся о нас бортами. Я наблюдал знакомые по записям очертания – мерканская машина действительно походила на восьминогую паука. С его «ножек» срывались плазменные заряды.

Сознание меркло и прояснялось. На губах пузырилась кровь и пыталась хлынуть из горла. Руки и ноги без остановки прокалывала микроиглками система медобслуживания скафа, а во рту был отвратительный вкус стимулятора, смешанный с вкусом крови.

В очередное просветление я отвлекся от всего. Позабыл о своем измочаленном теле. Вдруг неожиданно четко увидел весь «объем боя». Собрал всего себя в точку. И кинул свое сознание вместе с торпедой вперед. Наш «Альбатрос» вздрогнул. Я уже знал, что попал. Торпеда развалила вражескую машину – кажется, это был тяжелый истребитель класса «Пустынный скорпион».

– Есть! – заорал я как бешеный.

Тут на нас будто обрушился синий, из замерзшего метана, спутник, вокруг которого шло сражение. Я застонал, не теряя сознания. Плазменный разряд смел часть защитной обшивки и полностью расколотил «плавник» гравинейтрализатора.

Талана круто закрутила «обруч», выходя из-под обстрела... Когда я очнулся, понял, что остался один.

– Первый пилот потерял сознание. Восстановить функционирование не удастся, – доложил компьютер.

Это означало, что мне надо принимать управление на себя...

В «объеме боя» произошли изменения. Наша штурмовая группа перестала существовать как единое целое. Кто-то уходил прочь. Кого-то уже не было... Но следом шел второй эшелон. Те, кто воспользуется нашим достижением, иголкой проколет дезорганизованную оборону и развалит к шарху ненавистный фрегат, оголив оборону меркан. Я знал, что будет так!

Из сектора обстрела Талана нас вывела. Но это не значило, что все позади. Итоги неутешительные. Гравинейтрализатор работает на двадцать процентов. Скоростные характеристики – падение на шестьдесят процентов. Маневренность – на пятьдесят. Боезапас – торпед нет. Орудийные плазмонакопители разряжены на девяносто процентов.

Эпицентр боя опять смещался в нашу сторону. Вокруг снова замелькали цели. Я едва успевал идентифицировать их. И паника на миг охватила меня. Шарх, я не справлюсь. Мне не выбраться отсюда на полуразрушенной машине...

И вдруг я успокоился. На миг сознание уплыло куда-то, и я почувствовал, что плыву по озеру, по воде идет едва заметная рябь. Я спокоен. Вокруг тишина. И совершенно нечего волноваться.

Открыв глаза, я ощутил, что голова легка и пуста.

Пора работать. Иначе мы погибнем! Моя очередь «плести кружева»!

Я «сделал обруч» – Талана, не отключись она, была бы мной довольна. Следующий вираж. Мы опять почти угодили под удар орудий мерканского Фрегата. Мне показалось, что мы едва не задели его защитное поле, я видел блестящий диск. И ушел по сложной кривой...

Адекватные реакции на происходящее вернулись ко мне, когда перед глазами возникла похожая на стадион бледно-зеленая посадочная секция «Бриза» с зияющим провалом в центре. И я осознал, что только что чудом выбрался из пекла, откуда выбраться не должен был...

– Контакт с компом линкора, – сообщил мой бортовой компьютер.

– Передаю управление, – прошептал я и прикрыл глаза. Мой истребитель потянуло в центр «стадиона».

«Альбатрос» запутался в магнитных полях и нырнул в провал. Машина зависла на пятнадцатиметровой высоте. Мягко спланировала. Качнулась несколько раз на опорах. Мне казалось, что меня ласково баюкают в колыбели. Это было страшно приятно. Сознание уплывало в страну грез.

И тут я уже отключился с полным правом человека, сделавшего все, что только было в его силах...

Глава пятая

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ

– Лейтенант, если вы думаете, что я чувствую себя обязанной вам за мою спасенную шкуру, – вы глубоко ошибаетесь.

– Никак нет. И в мыслях не было, содруг капитан, – я привычно вытянулся, видя, что Талана ест меня недобрым взглядом.

Я выбрался из реанимационного контейнера на сутки раньше моего ведущего и успел ощутить, насколько легче мне без нее дышится. И вот все начиналось сначала. Она умело перекрывала шланг, через который я дышал воздухом свободы.

– Сколько вы набрали нарядов, лейтенант? – перво-наперво осведомилась она. В классе эскадрильи мы были вдвоем, в тусклом освещении она выглядела неважно и походила на нечистую силу.

– Одиннадцать, – вздохнул я.

– Двенадцать, – нахмурилась она, проводя пальцем по планшету компа, где у нее зафиксированы все мои мнимые и действительные прегрешения. – Двенадцать.

– Так точно, – вынужден был признать я. – Двенадцать.

– По прогнозам меддиагноста, вы негодны к полетам около месяца. Я предоставлю вам возможность с пользой провести это время в нарядах.

– Так точно, – это были мои главные слова в общении с Таланой.

– В пятнадцать-ноль вы должны быть в секторе «С-11». Поступаете в распоряжение техник-лейтенанта Рамсенена.

– Ловля блох? – скривился я.

– Что? – она прищурилась. – Мне казалось, это называется тестлением сервисных программ. Вопросы?

– Никак нет, содруг капитан.

– Выполняйте, – она обернулась и мягкой кошачьей походкой двинула прочь из класса.

Ну не стерва она? Нет, она не стерва. Она суперстерва. И еще раз подтвердила это высокое звание.

Благодарности я от нее не ждал. Но все равно было обидно. Хотя я восхищался совершенством гнусности ее характера.

Однако надо заметить, что после того боя во мне что-то изменилось. Крепнувшую ненависть к ней как волной смыло. Чувство локтя, которое должно было возникнуть по отношению к боевому товарищу, с которым прошел между лопастей мясорубки, когда друг от друга зависело – жить или умереть, понятное дело, не проснулось. Зато теперь я относился к ней совершенно индифферентно. Как к стихийному бедствию, которое нужно просто терпеть и по возможности избегать. СС тоже не питала ко мне ни злости, ни раздражения. Она просто напористо делала свою работу, как ее понимала, и собиралась и дальше пытаться раскатать меня в блин.

Лейтенанта Рамсенена я нашел в сервисном пузыре внешней реакторной галереи. Это была двухметровая прозрачная сфера, откуда открывался величественный вид на главный реактор корабля, похожий на гигантский нераспустившийся тюльпан в две сотни метров диаметром и три сотни метров высотой. Его окаймляли прозрачные кольцевые галереи.

Техник – типичный представитель этого племени, худой, с рассеянным видом, порхавший в каких-то высших компьютерных сферах и соответственно этому беззаботный, как мотылек, посмотрел на меня непонимающе, будто пытаюсь вспомнить, кто я такой, Наконец кивнул:

– А, штрафник... Сейчас напарник подойдет, – он повернулся в просторном прозрачном кресле, почти невидимом для глаза. Из образовавшегося отверстия в полу выскочил предназначенный нам зеленый, как тина, контейнер тесткомплекта.

Второй штрафник появился через пять минут – злой как черт. Это был Корвен. Он переживал не слишком хорошие времена. Как и моя, его машина была повреждена и еле дотянула до посадочной секции. Если мой приятель отделался более-менее легко, то из кабины ведущего медики и технари с трудом извлекли изломанное тело, в котором едва теплилась жизнь. Чудо, что Арвин выжил. Но минимум на год, если не навсегда, ему не сесть в кресло пилота и не бросить свой истребитель в черную пустоту. Он до сих пор в реанимационном блоке, и по возвращении на базу проследует прямой дорогой в госпиталь. Новым ведущим Корвену назначили капитана Норака Ломака, твердолобного служаку, сразу решившего, что его новый подчиненный никак не соответствует распространенным представлениям об офицере космофлота. Некоторая легкомысленность и расхлябанность Корвена, впрочем, для пилота вполне позволительная (лишь бы летал и не падал), наталкивала Ломака на мысль о немедленном искоренении недостатков. Так что за кратчайшее время мой приятель обзавелся почти таким же количеством нарядов, что и я.

Наряд на сервисработы означал, что нам вдвоем предстоит мерять шагами километровые коридоры и тестировать информационные узлы сервисных систем на неполадки, компьютерные вирусы. Компьютерная система корабля вполне могла тестировать себя сама, но этого считалось недостаточным, так как теоретически был возможен сбой в работе главного компьютера. И тогда воспаленное воображение рисовало жуткие картины – задыхающиеся от недостатка кислорода люди, взбесившиеся сервисные роботы, вымерзающие каюты и раскалившиеся до красноты коридоры. Правда, такого пока не случалось и вряд ли когда случится.

Сектор нам техник отмерил длинный, как язык Корвена, – на палубе, где располагался медблок. Вдохнув, мы отправились его «спасать».

– Шарх дери это шархово занятие! – воскликнул я, когда пошел третий час монотонной работы.

– Точно, – Корвен вставил штырь в контактное гнездо спрятанного под светящейся пластиной сервисного узла.

– Какой идиот выдумал это тестирование?! Неужели кто-то думает, что в этом занятии есть смысл?

– Еще какой, – сказал Корвен, нащелкивая на коробочке тестера код.

– И какой?

– А как наказывать провинившихся? Чем обуздать мелких нарушителей устава? Объявить замечание или выговор? Не смеси мои подметки, Серг! Посадить на гауптвахту? Сурово. А восемь часов такой работы – как раз.

Да, наказание было изощренное. Восемь часов подряд обалдело смотреть на скачущие цифры – это скучно и даже тоскливо.

– Это еще ничего, – поведал Корвен. – Вот если бы мы служили на плоскостном морском флоте трехсотлетней давности, то наряд означал бы кое-что похлеще.

– Что похлеще может быть? – кисло осведомился я.

– Резать картошку. Или чистить отхожие места.

– Зачем?

– А ты не в курсе, что сервисные роботы и пищевые синтезаторы появились вовсе не одновременно с человечеством? На плоскостном флоте все жили скопом в тесных кубриках.

Были общие отхожие места и столовые с кухнями, где обрабатывали натурпродукты. И все делали руками, – Корвен положил на пол гудящий тестер и растопырил пальцы.

– Мерзко, – сделал я вывод, представив, как это – чистить руками склизкие, неаппетитные натурпродукты.

– Технический прогресс имеет свои плюсы.

– Тебя твой капитан тоже решил замотать, – отметил я, глядя на карточку компа, который сравнивал показания тесткомплекта с показаниями главного компьютера. Понятно, никаких разночтений не имелось.

– Решил, – кивнул Корвен. – Понимаешь, обидно. Тебе-то куда легче.

– Почему?

– Тебя садирует СС – воплощение мрачной, целеустремленной силы. Ее можно уважать. Она это делает, по-моему, из мистической непостижимой ненависти ко всему живому, и к тебе в особенности. А капитан Ломак – просто обычный скучный дурак.

– Ты не прав, – возразил я. – СС издевается не из-за ненависти. Она просто машина, бесстрастно производящая каверзы.

– Ох, жалко Арвина. Вот человек, – Корвен, сильно переживавший ранение своего командира, вздохнул.

Что скажешь на это? Мне тоже было жалко Арвина, и как пилота, и как человека, и как отличного командира. А еще больше было жалко тех, кто заживо сгорел в истребителях, был распылен на атомы при этой битве.

Во время того памятного горячего боя из нашей эскадрильи уцелело меньше половины машин. Фактически меркане смяли нас, но мы оттянули на себя значительные их силы, и ударная группа «Морских ястребов» сумела развалить злосчастный фрегат на куски, обеспечить наш прорыв и в конечном счете заблокировать вражескую эскадру. Так или иначе, меркане отступили, потеряв почти треть своего флота. Это была большая удача. Преимущество было не на нашей стороне, но мы выстояли. Какой ценой!

За время пребывания на линкоре я так и не сблизился ни с кем, кроме Корвена. Конечно, я знал бойцов нашей эскадрильи, а также других, обменивался с ними иногда парой фраз, опрокидывал по банке-другой пива в баре. Но когда из трех эскадрилий образовали одну и объявили построение, мне стало по-настоящему жутко. В памяти на месте каждого, кто должен был стоять здесь, но не стоял, будто был холодный провал. И захотелось взвыть. Вот так бог войны разделил нас – на живых и павших...

После боя с нами поработали медики-психокорректоры. Не обошлось без положенных после такого боя легких успокаивающих, комплекса психоразгрузки. Медики будто вымывали из нашего сознания самые сильные эмоции, не давали им производить изо дня в день разрушительную работу. И острота боли отступила. Боль затаилась где-то в глубине души. Но я знал, что она не исчезла. Ничто не исчезает из человеческого сознания. Боль ждала своего часа. И когда-нибудь, если я выживу в этой войне, она навалится в тишине и одиночестве...

– И ребят жалко, – сказал я.

– Людей перемалывает эта шархова война, – произнес задумчиво Корвен. – Их съедает бог войны, как игрок поедает шахматные фигуры противника. Серг, привыкнуть к этому можно. Забыть – нет... Господи, сколько же я потерял друзей. Еще до летной школы. И все они были отличными ребятами.

– Иначе они не были бы пилотами...

– А были бы «плоскостниками», – закончил мысль Корвен. – Впрочем, чего я тебе рассказываю. Тебе,

– Выпускнику Галахварской школы, – добавил я.

– Извини. Я завел разговор не туда, – уставившись на тестер, сказал Корвен.

– Брось. Все нормально...

Не знаю, нормально это или нет, но воспоминания о школе на Галахваре, последнем ее дне, отдавались во мне как-то глухо, будто тебя колотят подушкой. Я умом понимал, что там произошло страшное, но душа отказывалась отзываться на эту боль. Еще одна отсроченная боль. Отсроченные чувства... И вообще, я так до конца и не разобрался, что там произошло. Хотел разобраться, но главное неизбежно ускользало от меня.

Впрочем, в этом хотел разобраться не только я. Это же желание испытывали представители Главного командования флота и другие, несколько странные, угрожающе вежливые люди в комбинезонах без знаков отличия. Они клещами впились в меня, как только я вылез из реанимационной камеры. И, похоже, не собирались оставлять в покое.

Я оторвался от экрана компа и сказал;

– Порядок, пошли к следующему узлу...

И тут пришлось вытягиваться по струнке. Потому что из-за поворота вышел бодрой подпрыгивающей походкой энергичного человека, которому до всего есть дело, полковник Цой Торрел, начальник отдела контрразведки эскадры. Ростом он не вышел – даже мне едва дотягивал до плеча, голова его была большая, с выпуклым лбом, глаза глубоко посаженные. Об этом зловещем типе ходили разные недобрые слухи.

Говорили, он обладает феноменальной памятью и держит в уме досье чуть ли не на каждого военнослужащего эскадры. В этом я сомневаюсь. Но в то, что мое досье он держал в памяти, я поверил, когда его пронзительный взор уперся в меня.

– Лейтенант Кронбергшен, – остановившись напротив нас, произнес он, будто сверившись с каким-то компьютером в своей большой голове.

– Так точно, содруг полковник, – я вытянулся, руки по швам – перед полковником положено тянуться.

– Чем вы тут занимаетесь? – подозрительно посмотрел он на нас, хотя ошибиться в роде наших занятий было трудно.

– Штатное тестирование сервиссистем, – доложил я, стараясь не смотреть на него сверху вниз, потому что знал, насколько это бесит низкорослых людей. – Внеочередной наряд, содруг полковник.

– Да, лейтенант, похоже, дисциплина не самая сильная ваша сторона.

Мне вдруг стало жутко тоскливо. Очень хотелось, чтобы разговор побыстрее закончился и полковник убрался восвояси. Но я понимал, что этим обменом репликами все не кончится. Видно было, что затеял он разговор неспроста.

– Думаю, ваш напарник справится один. Вас же, как отличившегося в боях за Фалангу, – он усмехнулся саркастически, – я освобожу от этого занятия... С условием выпить чашку кофе в моей компании.

«Чтоб ты провалился со своим кофе, – подумал я. – Лучше еще пяток нарядов по ловле блох, чем чашка кофе с тобой». Но ведь не отвертишься.

– Лейтенант Кронбергшен с наряда снят по служебной необходимости, – произнес контрразведчик в браслет связи.

– Исполнено, – прозвучал голос компьютера.

Начальник отдела контрразведки устроился в штабном секторе, в самом закутке, в тупике сошедшихся двух коридоров. Туда не так просто было добраться через вздыбившуюся третью палубу и переплетение коридоров и лифтовых труб.

– Проходите в мою каморку, – пригласил он меня жестом, когда проем кабинета распахнулся при его приближении.

В небольшом круглом кабинете с бледно-зелеными мерцающими стенами и сводчатым потолком при всем желании невозможно было отыскать ни одного острого угла, линии были сглаженные, искаженные. Бледно-зеленый и розовый свет падал с разных сторон, созда-

вая странные цветовые комбинации, делая очертания неверными, расплывчатыми. В центре зависла над полом темно-синяя сфера, на поверхности которой вспыхивали тусклые узоры – это был автономный, насколько я понимаю, защищенный от любого доступа извне мощнейший компьютер. Там наверняка в числе других хранюсь я сам.

– Присаживайтесь, – хозяин кабинета активизировал два полупрозрачных кресла на расстоянии в паре метров друг от друга.

Я сел прямо, положив руки на колени и тупо уставился куда-то в сторону.

– Вы знаете, чем вызван мой интерес к вашей персоне? – спросил Торрел, забыв, что обещал мне кофе.

– Никак нет, содруг полковник, – отчеканил я.

– Не лукавьте.

– Я не могу представить, зачем нужен службе безопасности, содруг полковник, – я сделал попытку встать, чтобы вытянуться по струнке – малорослые люди обожают, когда перед ними вытягиваются в струнку, их тщеславие нередко можно удовлетворить этим. Но полковник устало махнул рукой.

– Оставьте. Не изображайте из себя тупого служаку, лейтенант. И нечего тянуться. Вы не перед адмиралом Ларменом. И вы прекрасно знаете, о чем пойдет разговор, Серг... Галахвар, – это слово звучало резко, как заклинание.

– Я рассказал все, что знал.

– Тогда расскажу вам я. Вы из последнего выпуска школы на Галахваре. Старейшая база подготовки пилотов. Наша разведывательная сеть не засекала подхода вражеского флота. И когда мерканские крейсера вынырнули из вакуума, школа была не готова к отражению нападения. Так?

– Так точно.

– Пилотская школа была разбита и перестала существовать. Из всех кораблей лишь один сумел вырваться из окружения и занырнуть в вакуум. Времени на проработку режима вакуумного перемещения не было, и катер огневой поддержки – самый маленький корабль из класса вакуум-пробойников – нырнул в неизвестность. Правда, уже в момент «нырка» он получил хороший пинок – мерканскую торпеду – и едва тянул в су пер вакуумном режиме. Из вакуума вывалилась практически мертвая железка, Одиннадцать размазанных в лепешку тел. И в реанимационном контейнере еще один человек. Это вы, Корвен: Похоже на правду?

– Все было так.

– Вам повезло. Катер вынырнул в системе Щитоносца, Недалеко от звезды – желтого карлика. Он попал на сканеры периферийного оборонительного комплекса. Вас извлекли из реанимконтейнера, уже практически потерявшего энергию. Через полгода вас поставили на ноги.

– Все было именно так.

– После лечения вы изъявили желание продолжить службу на флоте. После такого потрясения. Почему?

– Я пилот, – произнес я, чувствуя, как во мне поднимается раздражение. – Я не «плоскостник».

– Я вас понимаю. Вас точит вирус элитарности. Вы наслаждаетесь своей исключительностью. Принадлежностью к так называемому боевому братству, – в его устах эти слова звучали как ругательства, и все мои благие порывы выглядели в лучшем случае глупо.

– Так точно, содруг полковник.

– Конечно, вы – избранные. Вы воюете, когда остальное человечество чешет жирное брюхо. Так?

– Так точно.

– А, может, вы самоубийцы, ищущие способ покончить счеты с жизнью красиво? Или убийцы? Авантюристы? – он говорил с улыбкой, но взгляд его – бескомпромиссный, жесткий, буравил меня.

Если бы я вел такие речи, меня бы без особых хлопот упекли в каталажку за антигосударственную пропаганду. Но начальник контрразведки, видимо, имеет право на такие слова.

Раздражение бурлило во мне все сильнее. Оно поднималось вверх и готово было вырваться наружу... И тут же схлынуло. Я усилием воли заставил посмотреть на все со стороны. И понял, что контрразведчик просто выводит меня из равновесия.

– Никак нет, содруг полковник. Я здесь, чтобы защищать.

– Защищать презираемых тобой «плоскостников»?

– Мой мир.

– Все понятно, – кивнул начальник контрразведки. – Мои руководители решили, что вы можете служить пилотом... Я с ними не согласен, лейтенант. Но давно подсчитано, что ввод в строй одного пилота обходится во столько же, во сколько новый истребитель. Вы слишком дорого стоите, чтобы списывать вас на «плоскость».

– Почему меня надо списывать? – все-таки возмутился я. – Я справляюсь со своими обязанностями не хуже других.

– Не хуже? Я бы не сказал... Вы справляетесь лучше... Слишком хорошо, лейтенант... Ваш ведущий в восторге...

Все вокруг как закачалось. Ведущий в восторге... Талана в восторге от меня! Это, оказывается, ее восторг выражается таким образом – в виде вялотекущих пыток. Интересно, если вдруг она решит в меня влюбиться, то продемонстрирует свои чувства пузырьком яда в чай?

– Вы – фактор неопределенности, – задумчиво произнес Торрел, будто пытаюсь прижать меня взглядом. – Я с вами откровенен. Я не выношу неопределенность... И еще, – он криво улыбнулся, – я не выношу людей, которые создают проблемы...

Он махнул рукой.

Я встал, щелкнул каблуками

– Разрешите идти?

– Ступай, сынок. Ступай, – барственно махнул он рукой, спроваживая меня.

Я человек не злой Но я аж прижмурился от удовольствия, представив, как мой кулак впечатается ему в челюсть. И как этого коротышку, возмнившего себя властителем человеческих судеб, сносит с кресла.

Я обернулся и четким шагом вышел из комнаты.

По-моему, у меня появился на корабле враг. Первый враг... Как вскоре выяснится – далеко не последний...

Глава шестая

ГОЛОВОРЕЗЫ

Длинный коридор. Темный коридор. Хорошо знакомый мне коридор.

Я бегу по этом коридору, ощущая сзади тяжелый недобрый взор. Я должен бежать быстрее. Впереди все та же дверь. Я должен ухватиться за скользкую ручку, должен открыть ее.

Тревога перерастает в страх. А сзади гремит голос, который кажется мне знакомым. Но кому он принадлежит?

– Стоять!

Я бегу еще быстрее. Пол уходит из-под ног, превращается в склизкую шкуру ящера. Я едва не падаю, но опять бегу.

– Кто ты? – гремит голос. И я понимаю, что он принадлежит начальнику контрразведки. – Откуда ты?!

Кто? Откуда?.. Я просыпаюсь в ознобе и пытаюсь разлепить глаза.

Я – лейтенант Серг Кронбергшен. Пилот-стажер. Машина «Альбатрос», бортовой номер С-3\8. Я крепко связан с действительностью. И действительность, грубая на ощупь, тяжелая, безжалостная, окружает меня.

Я приподнимаюсь на локте и вдруг понимаю, что не верю себе. Вокруг все не так просто. И не так ясно...

Вскакиваю. Бегу в душ. Кидаю взор на мерцающие в воздухе часы. Проснулся на пятнадцать минут раньше. Ничего. Будет время прийти в себя после ночного кошмара. Постою подольше в ионизирующем душе. Подставлюсь под медицинский активизатор. Говорят, большинство дурных мыслей от дурного самочувствия. А я обязан чувствовать себя хорошо. Обязан чувствовать себя отлично.

Душ и активатор действительно привели меня в чувство. После системы Фаланги наша эскадра вернулась в порт приписки. Наш доблестный флагманский линкор «Бриз» завис в пространстве. Три эсминца отправились в ремонтные доки. А для личного состава потянулись нудные будни, составляющие рутинную прозу военной службы. Обучение. Патрулирование околопланетного пространства. И, конечно, учеба. Ненавистные «картонные коробки». По-моему, СС они нравились больше, чем ее каюта, и, будь ее воля, она бы проводила со мной там сутки напролет. Однажды я не выдержал и заскулил:

– Мы в два раза перебрали отведенный лимит. Она с недоумением посмотрела на меня и спросила:

– Вы кто?

– Пилот-стажер лейтенант третьего класса Серг Кронбергшен.

– Вы пилот? Вы пока стрелок по уткам, да и то неважнецкий. Ха, пилот... Но если следующие несколько месяцев проведете в тренажере, то сможете претендовать на что-то.

Вот такое стервозное отношение. И ничем ее не перешибешь. Хоть она, как говорят, высокого мнения обо мне.

Талана уже ждала в тренинговом комплексе. Она присела на «картонную коробку» и задумчиво жевала пластинку семилистника – травы, обладающей тонизирующим и легким наркотическим эффектом. СС была явно не в духе, и в связи с этим я, как обычно, ждал нагоняя – неважно за что, был бы ведомый, а повод найдется. Но нагоняя я не получил.

Вместо приветствия она озабоченно спросила:

– Зачем вас вызывал Торрел?

– Его интересуют дорогие мне воспоминания, – усмехнулся я и тут же напрягся в ожидании нагоняя.

Но она не обратила никакого внимания на мой тон. И спросила: – Ему не дает спокойно спать Галахвар?

– Да-

– Им нейдет... Шакалья свора, – произнесла она глухо, со сдерживаемой злобой.

Ну и ну. Всегда сдержанная СС дала волю чувствам и упустила возможность взгреть меня...

– Осторожнее с Торрелом, лейтенант. Я кивнул.

– В тренажер...

На этот раз в тренажере мне была отведена роль пилота. Я знал, что в пилотском кресле боевой обстановке буду себя ощущать не хуже, чем в кресле стрелка. Обучали в Галахварской летной школе хорошо, стресс первого боя и сработку с напарником я прошел. И еще я знал, что в следующий бой поменяюсь с Таланой местами – я буду вести «Альбатрос», а она управляться с оружием. Это элемент становления стажера.

А потом – одноместный истребитель «Морской ястреб» – знак того, что пилот наконец стал пилотом... Когда это будет? Через полгода? Год?

И сколько нам торчать здесь, в порту приписки без дела? История войны показывала, что в таком режиме активного бездействия можно проторчать и год, и два, и пять лет. Если бы все кампании шли так, как в системе Фаланги, от нашего флота давно бы осталось только воспоминание, и промышленность просто не успевала бы клепать новые корабли. Война идет большей частью позиционная, вялая, однако время от времени, по не вполне понятным законам, она вспыхивает с новой силой, будто бог войны подливает в огонь горючее. В последние два года количество боестолкновений росло лавинообразно, и я со смешанным чувством страха и надежды ждал, что прозвучит сигнал «сбор» и на построении поставят новую боевую задачу – это будет означать, что враг опять делает попытку нащупать слабину в нашем «объеме».

– Стопроцентная чувствительность, – сказала Талана, когда мы вошли в контакт с компом «картонной коробки».

Отлично! Я сегодня пилот. И не собираюсь жалеть ни себя. Ни Талану. Пришла твоя пора, СС, взвыть.

Ну, Талана, как тебе понравятся такие перегрузочки? Ты железная, ты слишком хорошо их переносишь. Но, как показала практика, я тоже состою не из желе. И перегрузки переношу не хуже тебя, а то и лучше.

Мелькание кораблей. Зеленая планета, вокруг которой разворачиваются боевые действия. Линкор противника перед нами. И небо, усеянное точками мерканских машин, – кажется, их столько же, сколько звезд. Я едва успеваю уворачиваться, и мы вдавливаемся все дальше, идя во втором эшелоне штурмовой группы.

В глазах меркнет. Сознание готово отключиться. Но я не жалею себя. Я не жалею ее... Впрочем, Талану жалеть смешно. Она работает красиво – снимает цель за целью.

Когда я сбрасывал с хвоста три мерканских истребителя, перегрузки достигли запредельных величин. Громадным усилием воли я остался на поверхности и хоть смутно, но воспринимал окружающее, управлял машиной и даже вывел ее из «объема боя». А Талана выключилась! Выключилась надолго...

Впервые из «картонной коробки» я вылез раньше нее. Я сам еле дышал, и медактиватор комбинезона накачивал меня медикаментозными стабилизаторами состояния. На лбу СС светились бусинки пота. Да, отмордовала ее по полной программе. Единственное, что было непонятно, как я сумел сам вынести этот цирк. Но вынес.

– Ну что, лейтенант. Не так плохо, – помолчав немного, ровным голосом, который давался ей нелегко, произнесла она. – Возможно, из вас выйдет толк.

Я расширил удивленно глаза. Похвала от СС! Нет, это слишком. И, самое интересное, я вовсе не радовался переменам в ней. В моем командире будто что-то надламывалось

– И нечего глаза пучить, как рак! – воскликнула она. – Сутки отдыха. И за вами еще наряды! Послезавтра поупражняйтесь с тестером. Ясно?!

– Так точно...

Меня этот всплеск даже порадовал.

– А сегодня можете надраться до соплей в баре. Сейчас вам это не помешает, лейтенант.

Больше не глядя на меня, она энергично устремилась к лифтовому проему.

И что значат эти метаморфозы?

Ладно, чего голову ломать? Какие она сказала последние слова. Кажется, что-то вроде того, что я могу с чистой совестью утопиться в вине...

Ну что же. Ионный душ. Акупунктурное стимулирование. Полчаса отдыха. Потом выгнать свободного от нарядов и учебы Корвена и угостить его стаканчиком... Другим... Третьим...

Переливчатая, мягко пробирающаяся куда-то в печенки космомузыка Абстрактные голограммы переливаются, приобретают фантастические формы, на них хочется смотреть и смотреть. Они расплзаются, охватывают всех, будто затягивая в себя, потом распадаются. По коже идет покалывание, когда голограмма касается ее.

Мы с Корвеном утопали в просторных креслах небольшого уютного бара на пятой палубе. Два лейтенанта-артиллериста сидели прямо на мягком полу, скрестив ноги, и высасывали уже третью порцию «прозрачного вина». Командир звена пятой штурмовой эскадрильи вместе с пышнотелой капитаном-медиком хлестал крепкий грог хрустальными фужерами, которые ему подсовывал сервискомп бара.

Бар – это место расслабления. Космофлот вырос на традициях водного плоскостного флота прошлого, но тогда подобные заведения были запрещены, как подрывающие боевой дух. Сейчас время всемогущих психологов, которые обязаны знать о боевом духе куда больше, чем командиры прошлого. И психологи считают, что военному необходимо место, где можно вот так расслабиться. Поэтому на «Бризе» функционируют одиннадцать баров и даже сенсор-арена...

Психологи правы. Мне лично в баре хорошо. Корвену, кажется, тоже.

Постепенно публика рассосалась. Командир звена, обняв пышнотелую медичку, повлек ее прочь. Артиллеристы с трудом поднялись и отправились по синусоиде прочь, когда комп бара, считав их психофизиологические параметры и придя к выводу, что приятели уже перебрали, отказал им в очередной порции.

– Два часа проторчал в «картонной коробке», – пожаловался Корвен. – Срабатывался с новым ведущим. Знаешь, Ломак в бою такой же тупой и упертый, как и в службе. Я боюсь.

– Зря. Все знают, что Ломак осторожен до трусости. И никогда не прет вперед.

– Я нанимался не прятаться, – запальчиво крикнул Корвен. – Я нанимался драться.

– Какие мы страшные, – послышался язвительный голос.

Я скривился. Именно эти морды мне хотелось видеть меньше всего. Их появление означало, что день отдыха накрылся. Настроение будет изгажено. Ведь в баре появился капитан Вольген и двое его горилл.

Мне довелось с этими типами пересечься несколько раз И почему-то они выделяли меня из всех новеньких пилотов. Задираться к новобранцам – их любимое занятие, в связи с чем они давно бы стали бессменными обитателями гауптвахты и выбирались бы на волю для одного – чтобы получить новое взыскание, если бы не их туманный статус – то ли наемников, то ли союзников, то ли свободных пиратов. Грубые негодяи, неуправляемые, не желающие сдерживать свои животные порывы – то есть такие, какими и должны быть равванские наемники.

– Герои битвы при Фаланге, – хмыкнул Вольген, присаживаясь около нас – сервиссистема бара сработала вовремя, и стул гостеприимно словил мягким сидением его увесистый зад. – Герои космофлота Серг и Корвен.

Я видел, что Корвен начинает зеленеть от ярости

– Смотри, воротит нос от нас, – хмыкнул Вольген. – Мы ему не нравимся, парни... Мы никому не нравимся... Это обидно.

Вся свора послушно заржала. Наемники занимали места, в бокалы полились напитки покрепче – выходцы с Равваны принципиально презирали слабые напитки. По-моему, они уже поднабрались. Или нажевались наркотиков.

Говорят, что равване отлично справляются со своей работой. Вот только флот уже несколько лет не проводил операции с высадкой на планеты десантных и Диверсионных групп. Так что десантники занимались в основном тренингом и изнывали от бездействия В принципе, их службу трудной не назовешь По большому счету на «Бризе» они были балластом, впрочем, балластом, положенным по штатному расписанию Фактически они занимались космическим туризмом, мотаясь с эскадрой по космосу Это безделие вынуждало их авантюрные натуры искать привычных развлечений, поэтому драк на корабле и конфликтов с «плоскостниками» у них было больше, чем у остальных подразделений, вместе взятых.

– Ну расскажи, лейтенант, как ты развалил мерканский истребитель, – это Вольген обратился ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.